

ISSN 2307-1966

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

2026

3

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал (основан в 2003 году)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) как сетевое издание
Реестровая запись Эл № ФС77-78954 от 07 августа 2020 г.

2026 Сетевое издание Вып. 3

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редколлегия:

Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук
(главный редактор)
(Россия, Иваново)
М. В. Жульков, канд. филос. наук
(ответственный секретарь)
(Россия, Иваново)
М. А. Меликян, канд. филос. наук
(технический секретарь)
(Россия, Иваново)
Г. П. Аксенов, канд. геогр. наук
(Россия, Москва)
П. А. Белоусов, канд. филос. наук
(Россия, Владимир)
А. Г. Гачева, д-р филол. наук
(Россия, Москва)
Н. Н. Лещина, д-р культурологии
(Россия, Ярославль)
Т. Н. Соснина, д-р филос. наук
(Россия, Самара)

Редсовет:

А. В. Брагин, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)
О. А. Габриелян, д-р филос. наук
(Россия, Симферополь)
В. А. Грачев, д-р техн. наук
(Россия, Москва)
Т. С. Злотникова, д-р искусствоведения
(Россия, Ярославль)
Н. Н. Кожевников, д-р филос. наук
(Россия, Якутск)
Сильвия Минева, д-р филос. наук
(Болгария, София)
В. В. Мантатов, д-р филос. наук
(Россия, Улан-Удэ)
Зоран Милошевич, д-р полит. наук
(Сербия, Белград)
С. В. Орлов, д-р филос. наук
(Россия, Санкт-Петербург)
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)
В. С. Фунтусов, канд. филос. наук
(Россия, Владивосток)

Адрес редакции:

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5
Тел. (4932) 30-02-16
E-mail: posnoos@ivanovo.ac.ru

Электронная копия выпуска доступна
на сайтах: <http://glonoos.com>
www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru
<https://cyberleninka.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

Человеческая революция: оттенки ноосферности (фиделевско-печечивские размышления) 3

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ

Гумницкий Г. Н. В каком обществе мы живем и в каком хотим жить? 5

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Аксёнов Г. П. Время-пространство: реальное и виртуальное 18

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Петров В. В. Социальный миф в образовательном пространстве виртуальной реальности 29

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Черепнина Е. Ю. Этическое начало в праве: путь построения общественного идеала в творчестве П. И. Новгородцева 35

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Сторожева П. А. Экология цифрового познания: историческая археология одной антропологической константы 44

ДЕБЮТ

Гоголева В. Е. «Лента мышления» как лента Мёбиуса: топологическая модель нелинейного познания 54

Еремина Д. А. Эстетизация и рационализация зла в романе «Тайная история»: синтез платонического, дионисийского и ницшеанского начал 61

ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ: ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ

Саблин Е. А., Глущенко Г. В. «Чужие среди несвоих»: Александр Зиновьев и Эдуард Лимонов 69

NOUS: ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Масленников Г. А. Прокрастинация как объект междисциплинарных исследований 74

Информация для авторов 81

NOOSPHERIC STUDIES

Russian scientific journal (founded in 2003)

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) as an online edition
Registry entry Эл № ФЦ77-78954 of August 07, 2020

2026	Online edition	Vol. 3
Founder Ivanovo State University		
Editorial Board: <i>D. G. Smirnov</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Chief Editor) (Russia, Ivanovo) <i>M. V. Zhulkov</i> , Cand. of Sc. (Philosophy) (executive secretary) (Russia, Ivanovo) <i>M. A. Melikyan</i> , Cand. of Sc. (Philosophy) (technical secretary) (Russia, Ivanovo) <i>G. P. Aksenov</i> , Cand. of Sc. (Geography) (Russia, Moscow) <i>P. A. Belousov</i> , Cand. of Sc. (Philosophy) (Russia, Vladimir) <i>A. G. Gacheva</i> , Dr. of Sc. (Philology) (Russia, Moscow) <i>N. N. Letina</i> , Dr. of Sc. (Culturology) (Russia, Yaroslavl) <i>T. N. Sosnina</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Russia, Samara) Editorial Council: <i>A. V. Bragin</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Russia, Ivanovo) <i>O. A. Gabrielyan</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Russia, Simferopol) <i>V. A. Grachev</i> , Dr. of Sc. (Technology) (Russia, Moscow) <i>T. S. Zlotnikova</i> , Dr. of Sc. (Art history) (Russia, Yaroslavl) <i>N. N. Kozhevnikov</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Russia, Yakutsk) <i>Sylvia Mineva</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Bulgaria, Sofia) <i>V. V. Mantatov</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Russia, Ulan-Ude) <i>Zoran Milosevic</i> , Dr. of Sc. (Politology) (Serbia, Belgrade) <i>S. V. Orlov</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Russia, Saint-Petersburg) <i>G. S. Smirnov</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Russia, Ivanovo) <i>V. S. Funtusov</i> , Cand. of Sc. (Philosophy) (Russia, Vladivostok) Editorial address: 153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiryazev str., 5 Phone. (4932) 30-02-16 E-mail: nocnoos@ivanovo.ac.ru Electronic copy of articles posted on sites: http://glonoos.com www.ivanovo.ac.ru , www.elibrary.ru https://cyberleninka.ru	CONTENT EDITORIAL COLUMN The human revolution: shades of noosphericity ("Fidel's" and "Peccei's" reflections) 3 REGIONAL ARCHIVE <i>Gumnitsky G. N.</i> What kind of society do we live in, and what kind do we want to live in? 5 THEORY AND METHODOLOGY <i>Aksyonov G. P.</i> Time-space: real and virtual 18 PHILOSOPHY OF EDUCATION <i>Petrov V.V.</i> Social myth in the virtual reality educational space 29 PHILOSOPHY OF LAW <i>Cherepnina E. Yu.</i> Ethical principle in law: building a social ideal in the works of P. I. Novgorodtsev 35 PHILOSOPHY OF CONSCIOUSNESS <i>Storozheva P. A.</i> Ecology of digital cognition: the historical archaeology of one anthropological constant 44 DEBUT <i>Gogoleva V. E.</i> "The tape of thinking" as a Möbius tape: a topological model of non-linear cognition 54 <i>Eremina D. A.</i> Aestheticization and rationalization of evil in the novel "The Secret History": a synthesis of Platonic, Dionysian, and Nietzschean elements 61 PHILOSOPHICAL ESSAY: IN PLAIN TEXT <i>Sablin E. A., Glushchenko G. V.</i> "Foreigners amongst foreigners": Alexander Zinoviev and Eduard Limonov 69 NOUS: JOURNAL IN JOURNAL <i>Maslennikov G. A.</i> Procrastination as an object of interdisciplinary research 74 Information for the authors 81	

The author's point of view may not coincide with the opinion of the editorial board and editorial council.
Any reprints without editorial office permission are not allowed

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ОТТЕНКИ НООСФЕРНОСТИ (ФИДЕЛЕВСКО-ПЕЧЧЕИВСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ)

Образ Фиделя Кастро (1926—2016), встречающий читателя на обложке номера журнала, объясняется не только темпорально (100-летием со дня рождения одного из лидеров кубинской революции), но и семиотически. Образ Фиделя (как во многом и образ Че Гевары) — наиболее узнаваемые персонифицированные образы революции и революционности.

И речь здесь не столько о «революционности действия», сколько о «революционности мысли». Известный последователь Зигмунда Фрейда Вильгельм Райх как-то высказал мысль о том, что политическая революция не может победить, если она не сопровождается соответствующим изменением морали. Очевидно, что этот тезис может быть усилен: революция не может победить, если не сопровождается изменением человеческого качества. В этой логике закономерен императив Римского клуба, долгое время ведомого волей своего основателя и первого президента Аурелио Печчеи (1908—1984), «мыслить глобально, действовать локально» [Смирнов, 2008].

Глобальность мышления здесь не только топологична, но и темпоральна: она касается не только глобального пространства, но и глобального времени (с которым перекликается «время Бергсона—Вернадского»). Можно сказать, что это время человеческого качества, которое профессор Ирина Владимировна Дмитриевская назвала ноосферным временем [Дмитревская, 2012].

В этой логике человеческая революция — это время стремительного разворачивания человеческого качества, время наделения индивидуального и коллективного бытия и сознания смыслом. Для И. В. Дмитриевской существенно значимыми оказываются именно ноосферные смыслы, то есть такие, которые приводят к становлению новых жизнеспособных структур, готовых к порождению «себе подобных». Думается, что «остров свободы», равно как и Римский клуб, вполне отвечают этому философскому критерию. Но человеческая революция — еще и эпоха становления глокальности — во многом странного «обратного соответствия» глобализационных и локализационных интенций, когда глобальность актуализирует и интенсифицирует локальность и наоборот.

Думается, что в ноосферности есть своя доля революционности: переход биосферы в ноосферу, зафиксированный академиком В. И. Вернадским, знаменует собой не просто человеческую революцию, а революцию естественного разума, оказавшегося на пике своего научного раскрытия. Научная мысль стала этологическим ориентиром — аттрактором — для самоорганизации человеческого качества.

Но первая четверть XXI века отчетливо обозначила новую «революционную ситуацию», которую точнее надо бы понимать как контрреволюционную. Научная мысль как планетное явление, мыслимая В. И. Вернадским в ноосферном — синергийном — ключе как единство научного, философского и религиозного знания, сделав гигантский шаг вперед, неожиданно отступила на два шага назад, фактически вернувшись в технократическое прошлое XX века.

Долго пестовавшееся мировой культурой и цивилизацией человеческое качество, системообразующим свойством которого являлся естественный разум, оказалось неуместным в цифровой реальности актуального технико-технологического уклада. Консьюмеристская ставка на искусственный интеллект выиграла. Время и пространство естественного разума сокращается стремительными темпами. Волевые усилия, ценившиеся в человеческом качестве и сохранявшие человека человеком, в новой реальности бессильны перед аттракторами результативности, продуктивности и успешности. Категорический императив Иммануила Канта уступил гипотетическому императиву Айзека Азимова. Нейросетевое мышление и релевантное ему поведение медленно, но верно становятся нормой трудовых будней, что особенно беспокоит в научно-образовательной среде. Контрреволюция побеждает...

В декабре 1956 года с высадки крайне малочисленного отряда революционеров с яхты «Гранма» на Кубе началась партизанская война в горах Сьерра-Маэстра. В самом начале 1959 года это почти безнадежное мероприятие завершилось победой, ставшей Днем триумфа революции. Надежды на победу «ноосферной революции» мало (как и семьдесят лет назад), но главное, наверное, — это человеческое качество, которое способно сохраняться в неимоверно сложных условиях «цифрового тоталитаризма».

Девиз кубинской революции «Родина или смерть» (исп. *Patria o muerte*), на первый взгляд, слишком суров и категоричен для актуальной эпохи, но его строгая дизъюнктивность адекватна текущему моменту, многим кажущимся закономерным (как в свое время неизбежные преобразования 1990-х годов).

* * *

В разделе «Региональный архив» публикуется философское эссе активного члена Ивановского отделения Российского философского общества профессора Григория Николаевича Гумницкого (1924—2017) под названием «В каком обществе мы живем и в каком хотим жить?». Работа написана в далеком 1999 году, но не потеряла своей актуальности и остроты. (К слову, сентябрьское заседание 2026 года Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук РАН посвящено как раз переосмыслению реформ 1990-х годов, что говорит о значимости обращения к этой социально-политической проблематике).

Библиографический список / References

- Дмитревская И. В. Ноосферные смыслы времени // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 3—17.
(Dmitrevskaya I. V. Noospheric meanings of time, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2012, no. 2, pp. 3—17. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Ноосферное образование: «Мыслить глобально, действовать локально» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 3 (1). С. 88—104.
(Smirnov G. S. Noospheric education: “Think Globally, Act Locally”, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2008, no. 3 (1), pp. 88—104. — In Russ.)

Д. Г. Смирнов

Г. Н. Гумницкий

В КАКОМ ОБЩЕСТВЕ МЫ ЖИВЕМ И В КАКОМ ХОТИМ ЖИТЬ?*

Аннотация. Материал представляет собой развернутый социально-философский и политико-экономический анализ постсоветских реформ в России, их идеологических оснований и последствий. Автор последовательно критикует выбранный в начале 1990-х годов курс на переход к «дикому» капитализму, связывая его с либеральной идеологией. Показано несоответствие этой идеологии историческому опыту и менталитету России. Центральное место в работе занимает комплексная критика либеральной идеологии по нескольким направлениям. Значительное внимание уделено роли государства и морали в рыночной экономике. Автор утверждает, что сильное правовое и социальное государство не противоречит свободе граждан, а, напротив, является условием ее реализации. В заключительной части автор формулирует альтернативу: отказ от капитализма как цели реформ и переход к «социально ориентированному строю», основанному на идее социальной справедливости. Особую роль он отводит идеологическому фактору: государство, по его мнению, не может существовать без идеологии, и главной идеей должна стать социальная справедливость.

Ключевые слова: реформа, капитализм, либерализм, собственность, свобода, равенство, справедливость, мораль, право, государство, рынок, идеология, приватизация, олигархия, социализм.

Ссылка для цитирования: Гумницкий Г. Н. В каком обществе мы живем и в каком хотим жить? // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 5—17.

G. N. Gumnitsky

WHAT KIND OF SOCIETY DO WE LIVE IN, AND WHAT KIND DO WE WANT TO LIVE IN?

Abstract. This article presents a comprehensive socio-philosophical and political-economic analysis of post-Soviet reforms in Russia, examining their ideological foundations and consequences. The author consistently criticizes the course adopted in the early 1990s — a transition to “wild” capitalism — linking it to liberal ideology. The study demonstrates the incompatibility of this ideology with Russia’s historical experience and mentality. A central

© Гумницкий Г. Н., 1999

© Гумницкий Г. Н., 2026, с изменениями

* Текст приводится по брошюре «В каком обществе мы живем и в каком хотим жить? “Кто виноват?” и “Что делать?”», изданной в 1999 году ивановским отделением Российского философского общества при поддержке Ивановского филиала Северо-Западной академии государственной службы (ныне — Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации») и Ивановской государственной архитектурно-строительной академии (ныне — Ивановский государственный политехнический университет).

element of the work is a multifaceted critique of liberal ideology. Significant attention is paid to the roles of the state and morality within a market economy. The author argues that a strong state — one grounded in the rule of law and social welfare — does not conflict with citizens' freedom but, on the contrary, serves as a prerequisite for its realization. In the concluding section, the author proposes an alternative: abandoning capitalism as the ultimate goal of reform and transitioning to a “socially oriented system” based on the principle of social justice. He assigns particular importance to the ideological factor, maintaining that the state cannot exist without an ideology and that social justice should serve as its core guiding principle.

Keywords: reform, capitalism, liberalism, property, freedom, equality, justice, morality, law, state, market, ideology, privatization, oligarchy, socialism.

Citation Link: Gumnitsky G. N. (2026) What kind of society do we live in, and what kind do we want to live in?, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 5—17.

Наша реформа: к чему мы пришли?

В нашем обществе господствовала и еще сохраняется в той или иной мере социалистическая, марксистская идеология. Этот факт имеет немаловажное значение (о чем сказано ниже), хотя это общество нельзя было так просто охарактеризовать как социалистическое. Одно дело — что о нем думали, другое — чем оно было на самом деле.

В действительности оно соединяло в себе господствующие элементы госкапитализма с некоторыми элементами социализма. Наличие последних и позволяет представлять проводимые у нас реформы как переход от социализма к капитализму, что верно лишь частично, ибо в более глубоком плане это переход, точнее, первый шаг (с двумя шагами назад) от государственно-монополистического капитализма к демократическому. Пока мы фактически вступили в период «дикого» капитализма, который, по-видимому, отличается такими чертами: господством спекулятивного финансово-торгового и низким уровнем производственного капитала положением сырьевого придатка Запада и сильной продовольственной зависимостью от него, компрадорским характером буржуазии; невиданным имущественным расслоением общества — обогащением одной десятой населения за счет крайней бедности 9/10; соединением формальной диктатуры одного лица с реальной властью финансовой олигархии и с некоторыми элементами демократии в виде слабого парламента и свободы слова; серьезной криминализацией общества включая госаппарат, глубоким падением нравов, разгулом аморализма, индивидуализма и анархии при попустительстве государства и отсутствии его позитивного идеологического влияния на общество. И так далее и тому подобное.

То, что у нас в этих условиях происходит: длительные невыплаты зарплат и пенсий, обнищание большей части населения, отключения тепла и света и так далее, а сейчас снова девальвация и инфляция, новое падение жизненного уровня масс — это всем хорошо известно.

«Кто виноват?» Какая идеология нам нужна?

Вряд ли стоит сомневаться, что рыночная реформа нам была необходима. Весь вопрос в том, правильно ли был избран путь ее осуществления? Президент предпочел вариант, предложенный Е. Т. Гайдаром. Но «отмерил» ли он «семь

раз», прежде чем «отрезать»? Думается, что нет, так же, как он не сделал этого, начав войну в Чечне, и во многих других случаях. Между тем такое поистине судьбоносное решение нуждалось в тщательной и глубокой подготовке. Судя по некоторым высказываниям Б.Н. Ельцина, да и по его действиям, он не придавал должного значения идеологии, социальной теории. Он скорее понадеялся на «русский авось». Нужно было провести серьезные научные дискуссии, привлечь к участию в решении проблемы широкую общественность. Принять план перехода к рынку должен был сам народ. Но у него не спросили.

Вопрос казался весьма простым: нужно перейти к рынку, а рынок — это частная собственность, бизнес, банки и т. п., т. е. капитализм, значит, надо перейти от социализма к капитализму, причем, поскольку для этого необходимо «первоначальное накопление», то требуется полная свобода обогащения, значит, надо начинать с «дикого» капитализма. И здесь, как нельзя лучше, подходила либеральная теория Гайдара, по сути своей буржуазно-индивидуалистическая, давно устаревшая и совершенно не соответствующая современной природе стран, которые у нас принято было считать капиталистическими, но на самом деле такими в строгом смысле уже не являются, ибо заключают в себе некоторые элементы, сходные с социалистическими.

Об идеологии, предложенной Гайдаром, можно судить по Программе партии «Демократический выбор России» (далее — ДВР), возглавляемой им. В основе этой Программы лежат принципы архаичного (уже потерявшего серьезное влияние) либерализма. Традиционно либерализм связан с теорией индивидуализма, считавшей отдельную личность с ее свободой и собственностью первичной и высшей ценностью. Свобода каждого противопоставляется всеобщему равенству, как чему-то с ней несовместимому. Главное, утверждается в Программе, не сила государства, а сила и свобода его граждан, как будто одно противоречит другому. В этом понимании явно обнаруживается существенная недооценка роли государства, а эта недооценка, проявившись на деле, стала одной из основных, если не основной причиной, всех наших теперешних экономических и социальных бед. Считалось, что рынок сам все расставит на свои места, поэтому задача государства — только не мешать. Требование государственного регулирования рынка высмеивалось как безграмотное и наивное. К чему на практике привела эта идеология, мы теперь очень болезненно чувствуем на себе.

Конечно, вина лежит не только на идеологии и руководстве, воплощающем ее в жизнь. Имеется множество исторических причин, приведших нас к тому, что мы теперь имеем. Но в этой статье мы попытаемся разобраться лишь в одной, идеологической стороне дела, без чего невозможно понять, в чем глубинная суть наших ошибок, и как можно, исходя из их учета, исправить положение. Для этого необходим теоретический анализ некоторых актуальных вопросов идеологии.

О несостоятельности либеральной идеологии

Здесь мы рассмотрим некоторые теоретические вопросы, имеющие актуальное идеологическое значение. Можно подумать, что в силу своей абстрактности они слишком далеки от жизни, что сейчас надо решать более конкретные экономические и политические вопросы. Но дело в том, что от решения теоретических проблем принципиально зависит направление практической

деятельности. Поэтому их «отвлеченность» лишь кажущаяся, в чем мы легко убедимся, обратившись к обсуждению этих вопросов.

О ценности человека и общества. Теория либерализма объявляет личность высшей ценностью. Личности, конечно, это приятно слышать, но беда в том, что это лишь красивая фраза, которая не соответствует действительности и не может соответствовать даже при самых благоприятных условиях, ибо она имеет односторонний характер, а потому неверна как общий принцип. Ведь каждому ясно, что бывают такие обстоятельства, при которых личность добровольно или не добровольно приносится в жертву интересам общества. Может ли высшее приноситься в жертву низшему? (Если одна сторона отношения является высшей, то, по сравнению с ней, другая оказывается низшей). Правильнее сказать, что личность, ее благо — конечная цель для общества. Приоритетными, высшими в различных ситуациях могут быть и интересы личности, и интересы общества, в целом же, как общий закон, высшей ценностью служит необходимость сочетания, гармонизации этих интересов. Осуществление этой необходимости было бы невозможно, если бы общее благо, иначе говоря, благо общества не выступало для личности в качестве высшей ценности. Именно поэтому высшими ценностями признаются долг, добро, честь, совесть, справедливость, патриотизм.

То, что люди в интересах своей совместной жизни, то есть в интересах общества, должны поступаться частью своих интересов, поскольку они являются по своей природе общественными существами и не могут жить вне социума, это верно для любых исторических условий.

Возникновение у нас института частной собственности и рынка ничего в этом отношении не меняет. Любой собственник — гражданин государства и должен подчиняться его законам, принимая их как свои личные нормы поведения (разумеется, постольку, поскольку они справедливы). Значит, и сейчас у нас правовые и моральные ценности остаются, как и во всем мире, высшими для личности, и утверждать, что личность и только личность является высшей ценностью, неверно.

Кажется, нетрудно увидеть прямую логическую связь между этим тезисом либерализма и той анархической вакханалией, которая разразилась в нашей стране. Чтобы преодолеть ее, надо решительно отвергнуть этот тезис и основать политику государства и идеологию на совершенно ином понимании соотношения ценности личности и ценности общества.

Свобода и равенство. Как говорится в программе ДВР, важнейшими ориентирами для партии являются «свобода, собственность и закон». Куда же ведут эти ориентиры? Бросается в глаза их разительное отличие от главных идей французской революции, выраженных словами: «свобода, равенство и братство» и заключавших в себе гуманистическое содержание, провозглашавших свободу для всех. Соседство со словом «свобода» слова «собственность» наводит на мысль о том, что имеется в виду свобода для собственников. И это подтверждается тем, что свобода в Программе противопоставляется всеобщему равенству, которое объявляется неосуществимым. Правда, в некоторых местах Программы признается необходимость известного равенства. Непонятно, как это логически совмещается с противоположным утверждением. Возможно, авторы отрицают идею абсолютного равенства, но тогда они формулируют свою мысль неудачно, ибо «всеобщее» означает не то же самое, что «абсолютное». Поскольку люди

в чем-то равны (как говорится, «все мы люди, все мы человеки»), равенство между ними является всеобщим, то есть равенством для всех. Но равенство между ними не абсолютно, относительно, — даже в том, в чем они все равны. Например, все нормальные люди способны к логическому мышлению, но различаются по его силе, глубине и так далее. Значит, всеобщее — не обязательно абсолютное. Так или иначе, но в Программе акцентируется неравенство людей, подчеркивается противоположность равенства и свободы, их несовместимость.

Если мы вспомним о рядом стоящем слове «собственность», то практически такое понимание можно истолковать так: «свобода для собственников». За пунктом же о неравенстве людей скрывается вполне реалистичная мысль, что не все люди могут быть частными собственниками (а ясно, что под «собственностью» подразумевается именно частная собственность). Отсюда с логической необходимостью следует, что свобода существует (по мнению ДВР) только для части людей, для собственников, и не должна существовать для остальных, для несобственников. Если даже признать, что авторы Программы не имели этого в виду, что это только наше умозаключение (хотя мы исходили из тех посылок, которые содержатся в тексте Программы), то во всяком случае ясно, что ДВР печется исключительно о свободе собственников и что это партия буржуазная, что ее Программа — это программа перехода к капитализму. Впрочем, Е. Т. Гайдар этого не скрывал.

Теперь вернемся к личности как высшей ценности. Так как всеобщего равенства нет и люди неравны, то и их ценность должна быть различной, ценность одних будет выше других. Значит, не все люди могут считаться высшими ценностями, а только некоторые из них, скорее всего, собственники, ценность же остальных, поскольку она не равна ценности первых, может быть низшей. С такими взглядами недолго дойти и до теории кастового строя. Но, не углубляясь в этот вопрос, скажем о другом.

На практике идеологии ДВР наилучшим образом соответствует деятельность тех ловких и неразборчивых в средствах, не обременяющих себя моральными соображениями личностей, которые с помощью спекуляции, обмана, воровства обогащаются за счет обнищания своих соотечественников. Это идеология жульнической буржуазии нашей эпохи «первоначального накопления капитала». Жульнической, поскольку честного пути быстро разбогатеть у нас нет, да и вообще, наверное, не бывает. А ведь аппетит у многих так разгорелся, что ничего святого у них не осталось. И это наш «великий» путь к общественному прогрессу?! Ведь если нам приходится быть «догоняющей цивилизацией», то не получится ли так, что, догоняя, мы вообще перестанем быть цивилизацией, потеряем право так называться?

Может быть, все дело исправляет третье слово — «закон»? Но способен ли закон наложить узду на свободу собственников? Весь вопрос в том, каков закон. Понятие закона формально, нужно еще знать, о каком, собственно, законе идет речь, каково его содержание. Об этом в Программе ничего не говорится. Но если связать это слово с двумя другими, получится, что закон должен служить свободе собственников. Такой закон не спасает ни общество, ни отдельных его членов от ограбления беззащитными дельцами, ибо их грабеж может быть узаконен. Ведь даже у воров есть свой «закон». Похоже, что, в принципе, либерализм признает только один закон — «закон джунглей». По крайней мере,

именно об этом в последние годы свидетельствовала наша государственная экономическая политика и повседневная экономическая практика.

В знаменитом лозунге французской революции слово «свобода» дополняется прекрасными словами «равенство и братство», которые придают этому слову и всему лозунгу социальное и гуманистическое содержание, означающее, что закон должен в равной мере служить каждому, а не только избранной части общества. В наше прагматичное и прозаическое время возвышенное и слишком идеализированное в применении к реальной жизни понятие братства следует, пожалуй, заменить более сухим и абстрактным, но весьма содержательным понятием социальности (в российском духе — соборности). Социальность означает всеобщее равенство и справедливость, включая также такую важную составляющую, как сотрудничество. Ничего подобного нет в девизе ДВР. Этот девиз асоциален.

Справедливость. Мораль и право. Равенство — понятие арифметическое, слишком простое и абстрактное для характеристики отношений между людьми. Ясно, что два человека не могут быть так же абсолютно равны, как две единицы. В чем-то они обязательно неравны. Поэтому понятию равенства в данном случае следует предпочесть понятие справедливости, которое выражает диалектику равенства и неравенства в обществе.

Справедливость — одно из важнейших моральных понятий, раскрывающих отношение общества к своим членам в распределительном аспекте. Еще Аристотель рассматривал справедливость как равное отношение к равным и неравное — к неравным. Действительно, учитывать различия между людьми не менее справедливо, чем их сходство. Например, было бы несправедливо за различные по своей тяжести преступления назначать одинаковые наказания. В справедливости есть и общечеловеческое и историческое содержание. И то, и другое надо учитывать, решая вопросы о том, что справедливо и что несправедливо. Идея справедливости играет огромную роль в истории. Именно под ее углом зрения определяется отношение общества, народных масс, классов к политике государства, к деятельности тех или иных государственных органов и отдельных политиков, судей, учителей и так далее.

Наиболее общим и исходным в справедливости является момент всеобщего, общечеловеческого равенства. Эго отмечал Ф. Энгельс, и только те горемарксисты, которые хотели выглядеть «святее папы», отрицали этот момент, считая все в человеке и обществе исключительно «конкретно-историческим». Но ведь ясно, что все люди в принципе сходны, равны: всем свойственны сознание, сознательное мышление, речь, необходимость иметь пищу, одежду, жилище и так далее. Если Е. Т. Гайдар признает, что всем нужна свобода, то разве это не момент всеобщего равенства и разве, отрицая последнее, Программа ДВР не подрывает убеждения в праве каждого быть свободным?

Конечно, при всем основном тождестве люди могут очень сильно различаться по степени присущих им общих свойств. Одни обладают такими способностями, которые вовсе не отмечаются у других. Не каждый может быть настоящим поэтом, художником, музыкантом, математиком, шахматным мастером, великим футболистом и так далее. Однако подобные различия не изменяют того факта, что все члены общества — талантливые и бесталанные, молодые и старые, здоровые и больные — требуют от него, в соответствии со своей общей

природой, одного и того же: чтобы оно осуществляло заботу о каждом, чтобы все имели в чем-то одинаковые условия для образования, трудоустройства, удовлетворения своих жизненных потребностей и проявления способностей, для пользования своими политическими правами и так далее.

Так как люди сознают, что в основном и главном они равны, они требуют от общества, чтобы оно относилось к ним соответствующим образом, создавало им, насколько это возможно при данных или нарождающихся обстоятельствах, равные условия для удовлетворения потребностей и проявления способностей, то есть требуют справедливости. Они признают правомерность и известного неравенства, мера которого всегда является исторически определенной. Но они не терпят, когда оно переходит свою меру. Именно это имеет место у нас в настоящее время. Одно дело, когда все находятся в равном тяжелом положении. На нет и суда нет. Совсем другое, когда одни «с жиру бесятся», а другие нищенствуют, живут впроголодь, то есть, когда последние не в состоянии удовлетворять свои самые необходимые потребности. Имеет место колоссальное неравенство в том, в чем в идеале должно быть равенство, а это является вопиющей несправедливостью.

Ни общество в целом, ни каждый из его членов не могут пренебрегать требованиями тех слоев, которые становятся жертвами несправедливого распределения, ибо все заинтересованы в том, чтобы социальная система находилась в спокойном, равновесном состоянии, чтобы не было ожесточения, насилия, бунтов и революций. Конечно, далеко не все осознают эту глубинную необходимость, многие из корыстных интересов действуют ей вопреки. В современных наиболее цивилизованных странах эта объективная необходимость все лучше осознается, в результате чего различие между богатыми и бедными сдерживается на оптимальном уровне.

Есть и еще один немаловажный мотив, способный побуждать богатых заботиться о бедных, молодых о старых, здоровых о больных, ведь никакой богатч не гарантирован от того, что он окажется нищим, самый здоровый может заболеть, а каждого молодого неминуемо ожидает старость. Работающие не могут не заботиться о пенсионной системе, ибо знают, что когда-то они будут пенсионерами.

Таким образом, редко вспоминаемая теперь мораль с ее возвышенными идеалами добра, человеколюбия, справедливости, долга и совести имеет под собой весьма прозаическую и вместе с тем весьма солидную материальную основу. Мораль является необходимым социальным институтом, она существовала во все, даже самые худшие времена, то отступая под натиском эгоизма, жадности, бесстыдства и других дурных человеческих качеств, то снова усиливаясь и завоевывая ранее утерянные позиции.

Совершенный у нас переход к «дикому» капитализму привел к резкому снижению нравственного уровня общества, к скачкообразному росту аморализма и преступности. Но это не значит, что частная собственность в принципе несовместима с моральным образом жизни. Благоприятные социальные перемены будут способствовать моральному оздоровлению населения. С другой стороны, идеологическая работа по укреплению нравственных устоев, эффективные воспитательные меры необходимы для осуществления прогрессивных социально-экономических и политических преобразований.

Одно моральное влияние не в состоянии преодолевать негативные тенденции, порождаемые рыночными отношениями, для этого оно должно иметь поддержку права с его принудительными средствами. При такой поддержке результативность морального воздействия значительно возрастает. Право же опирается на силу наиболее мощного общественного института — государства, цивилизующая роль которого является чрезвычайно важной.

Государство только тогда может играть положительную нравственную роль, когда оно является правовым, то есть, если оно осуществляет справедливую социальную политику. Как уже говорилось, дело не просто в том, чтобы в обществе имелись определенные законы, надо, чтобы эти законы были направлены на обеспечение благосостояния всех слоев общества, чтобы они были справедливыми, и, наконец, чтобы они исполнялись, а не только существовали на бумаге. Лишь при этих условиях государство действительно является правовым.

Рынок и государство. Либерализм уповает на то, что рынок сам себя регулирует. Но опыт опровергает это положение. Можно сослаться хотя бы на тот факт, что в развитых странах действует антимонопольное законодательство. Участники рынка, собственники, в полном соответствии с либеральным принципом свободы, настолько увлекаются погоней за прибылью, их страсть к наживе оказывается такой сильной и всепоглощающей, что им уже не до морали, чувство справедливости и совесть для них умолкают в громком шурушении денежных купюр, кои они так безумно любят. Общие интересы отступают на десятилетний план, и единственным мотивом становится частный интерес.

Одной моральной проповедью убедить участника рынка, что он должен уважать и соблюдать интересы своего конкурента, интересы нищих и слабых, общества в целом, совершенно невозможно. Без принуждения здесь не обойтись. Со временем необходимость учитывать интересы других, народа, общества превращается в привычку и внутреннее убеждение, и моральные регуляторы начинают действовать совместно с государственно-правовыми, обеспечивая достижение общего результата. Примером для подражания могут служить скандинавские страны, где уже сложилось такое положение. И ясно, что оно не может возникнуть иначе, как благодаря государственному управлению, действию идеологии социальности и нравственности.

Представление, что государство — только «орган господствующего класса», является упрощенным. Ф. Энгельс отмечал, что оно должно «умерять столкновения классов», то есть обеспечивать устойчивое состояние общественной системы. Но оно не могло бы этого делать, если бы в той или иной мере не учитывало интересы всех классов, групп и слоев общества. Также и мораль, обладая классовыми особенностями, всегда имела общенациональные черты, служила общему благу, а в настоящее время она приобретает и общечеловеческий характер.

Совершенно ложной является точка зрения, согласно которой рынок может функционировать только по «железным» экономическим законам и не терпит никакого вмешательства морали и права. Якобы между стихией рынка и принципами морали нет и не может быть никакого соприкосновения. Применительно к определенным этапам истории это, может быть, и так. Но верно ли, что иного не дано? Законы рынка проявляются через действия воли: разведение цен — не волевой, психический процесс? Продавцы могут договориться об общей высокой цене на определенный товар. Но покупатели тоже способны

(если они организуются) договориться не покупать этот товар, пока не будет снижена цена. Что же здесь несовместимого с природой рынка? Почему государственные органы при необходимости не могут ограничивать величину торговых надбавок? Это — волевое действие? Но ведь повышение наценок торговцами — тоже волевое действие. Почему одно возможно, а другое невозможно? Государство как представитель совокупного покупателя с полным правом может и должно вмешиваться в дела рынка, контролировать и регулировать происходящие в нем процессы, не нарушая при этом его законов и не разрушая его. Государство может и должно влиять на рыночные процессы, например, проводя разумную протекционистскую политику, защищая своих производителей от внешней конкуренции с помощью соответствующих налоговых мер, и тому подобное. Разумеется, оно само должно войти в «стихию» рынка и суметь повлиять на происходящие в нем процессы так, чтобы это не противоречило природе рыночных отношений. Здесь нет ничего невозможного, что уже давно подтверждено мировым опытом.

С этой точки зрения вполне понятна ошибочность и опасность тезиса, согласно которому, главное — не сила государства, а сила и свобода его граждан. Такое противопоставление некорректно. Как раз слабое государство — не в интересах его граждан.

Сила государства, если она применяется разумно, только на пользу гражданам, ибо она не мешает, а способствует применению в рамках морали и права здоровых в социальном плане сил граждан и обеспечению их не противоречащих Конституции свобод. Слабость государства — это разгул индивидуализма, анархии и преступности. Кому нужно такое государство? Государство — это власть, а власть — это, иначе говоря, сила. (Например, в английском языке власть и сила, мощь обозначаются одним словом — *power*, в немецком языке *die Macht* — это и сила, и власть, и государство). Ясно, что «слабое государство» — внутренне противоречивое, алогичное понятие. Слабое государство — плохое, неполноценное, не выполняющее своих функций, не соответствующее своему понятию, лишь его видимость, фикция. Именно таким на протяжении последних лет является наше государство. Это печально, но факт.

Дорога в пропасть

У нас неоднократно отмечалось, что наша страна падает в пропасть, и в этом утверждении, видимо, немалая доля истины. Целью реформы был признан капитализм, который, как казалось очевидным, на первых порах неизбежно будет «диким». Но ведь в России уже был капитализм, проходивший, естественно, стадию «дикости». Известно, что если история совершается дважды, то по-разному: первый раз — как трагедия, второй же раз — как фарс. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

Все зависит от обстоятельств. У нас первоначальное накопление капитала могло происходить только за счет разгосударствления, которое фактически превратилось в разграбление народного достояния. Ведь все, чем владело государство, а оно у нас владело почти всем, хотя бы формально, по Конституции, было общенародной собственностью. Пользовалась ею преимущественно «верхняя» часть общества, хотя по праву она была собственностью народа. В результате разгосударствления, или приватизации, она стала превращаться в частную собственность отдельных лиц, составивших небольшую часть населения. Большинство же

не только ничего не получило от такой реформы, но, наоборот, очень многое потеряло. Это говорит о вопиющей исторической несправедливости проводимой у нас реформы.

Но она явилась не только несправедливой, а также экономически абсурдной, не только не способствующей развитию производства, но разрушающей его и тем самым создающей угрозу гибели общества в целом. У нас обогащение отдельных лиц пошло не по пути развития производства, а посредством хищнического присвоения государственных денежных средств, а с их помощью — хозяйственных предприятий. Получилось, что государство само себе, при том в мизерном размере, заплатило за отчуждение собственного богатства. Но так как последнее составляло основу жизни народных масс, то тем самым происходит принудительное, против воли народа, отчуждение от него условий жизни, то есть, проще говоря, его уничтожение.

Считалось, что когда у нас появятся крупные владельцы финансовых средств, они начнут вкладывать эти деньги в производство и начнется его подъем. Надеялись также на то, что частные владельцы более эффективно будут управлять предприятиями, чем это делают государственные служащие — директора. Однако эти надежды пока не оправдываются, кризис же экономики нарастает и может уже в ближайшее время привести к национальной катастрофе. Вывод состоит в том, что наш путь — это дорога в пропасть.

Что делать?

Остановимся лишь на некоторых общих аспектах этого очень непростого, но настоятельно требующего решения вопроса.

Сменить курс: от капитализма к «социальному» строю. Рыночную экономику необходимо продолжать строить, с этим мало кто сейчас будет спорить. Но в наше время экономика не может базироваться на антагонизме «верхов» и «низов». В развитых странах это хорошо усвоили уже давно и пошли по пути социально ориентированной экономики. Другого разумного пути у нас нет.

Нашей целью должен быть более справедливый, чем «классический» капитализм, строй. Его модели уже существуют на практике. Примером теоретической модели такого строя может служить выдвинутая у нас концепция «цивилизма» («гражданского общества»). Суть его состоит в том, что каждый гражданин владеет некоторой долей общественного богатства, гарантирующей его от нищеты, что не исключает различий в богатстве, но различия не должны быть чрезмерными [Нерсисянц, 1993]¹.

Такой строй вряд ли можно назвать капиталистическим, ибо ему уже не свойственна власть капитала над трудом. Если все работники участвуют в прибыли, являясь акционерами своих предприятий, то общество перестает быть капиталистическим по ряду своих признаков и, наоборот, приобретает некоторые признаки социализма. Термины «социально ориентированный строй» или

¹ Нечто подобное создал С.Н. Федоров в масштабах одного предприятия — руководимой им глазной клиники. Здесь нет наемных работников, а есть совладельцы, делящие доход пропорционально вкладу каждого в общий труд. Максимальная разница в доходах — в 3,5 раза. Вместе с тем это предприятие вполне вписывается в систему рыночных отношений.

«цивилизм» не дают полного понимания сущности этого общества, но других пока нет.

Роковая ошибка, совершенная нашим руководством, состояла в том, что оно отождествило рыночную экономику с капитализмом и тем самым выбрало путь не вперед, к более прогрессивному строю, а назад, к отжившей свой век архаической общественно-экономической системе, путь, который в современных условиях является дорогой в никуда. Необходимо как можно скорее исправить эту ошибку.

Как это сделать? Сделать это — значит осуществить следующий, второй, этап начавшейся у нас демократической революции, которую принято называть реформой ввиду ее в основном мирного характера. Можно надеяться, что она и дальше будет проходить мирно. Но «мирно» — не значит без борьбы. Борьба уже идет и еще предстоит очень серьезная.

Задача состоит в том, чтобы заменить государство буржуазно-олигархическое государством демократическим, выражающим интересы самых широких слоев населения. Это тоже произойдет не в один прием, а возможно лишь в виде ряда последовательных шагов, успех которых будет зависеть от многих факторов — экономических, политических и идеологических. От необходимости создания прочного «экономического базиса» для устойчивого демократического государства, конечно, никуда не уйти. Но это не значит, что надо сидеть сложа руки и ждать, пока этот базис сформируется, ибо последнее, в свою очередь, будет зависеть от активности других, внеэкономических, сил.

В настоящее время ведущую историческую роль играет недовольство масс существующим положением вещей, все идет по Ленину: «низы» не хотят жить по-старому, а «верхи» не могут управлять ситуацией, ибо на старом пути это невозможно, нужно переводить стрелку на новый путь. Давление в «котле» возмущения растет, и может наступить социальный взрыв, если правительство не возьмет инициативу в свои руки и не проведет реформы в интересах всего общества.

Не все решают деньги. В революционные моменты решающее значение приобретает воля руководства, концентрирующая в себе стремление миллионов граждан, его способность применить законное принуждение к тем, кто не понимает всей опасности положения, заставить их вернуть часть захваченного ими при попустительстве власти богатства, по праву принадлежащее народу. Сможет ли руководство проявить такую волю?

Разумная политическая воля может основываться только на истинном понимании объективной исторической необходимости. Мудрость правителей является залогом осуществления необходимости. Познание же ее — дело идеологии, теории общественной жизни, ряда наук об обществе. Руководство, которое легкомысленно относится к вопросам идеологии, не строит свою политику на твердом научном фундаменте, обречено на поражение, способно нанести народу, стране огромный вред. При наличии объективных предпосылок для смены курса реформ решающее значение приобретают знания руководителей, их мудрость и воля, иначе говоря, субъективный, идеологический фактор.

Идеология и реформа. «Осколки» отвергнутой марксистской идеологии, зачастую представляющие ее суть в искаженном виде, сохраняются у нас до сих пор. Марксистский тезис «бытие определяет сознание» истолковывают в том смысле, что сознание — это нечто второстепенное, что главное — развивать экономику, идеологии же не надо уделять особого внимания, она уж как-нибудь

сама приспособится к новому «бытию». По-видимому, это понимание в какой-то мере выразилось в отказе от государственной идеологии, сформулированном в Конституции РФ. Пункт 2 статьи 13 гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Здесь смешиваются два разных вопроса. Одно дело, что идеология не должна навязываться гражданам в принудительном порядке, быть для них обязательной. Такое требование и невозможно осуществить. Другое, что государство должно жить и действовать вообще без всякой идеологии. Это тоже практически невозможно и опровергается самой Конституцией, в которой представлена определенная, хотя и не во всем последовательная, демократическая идеология. В той же статье 13, в пункте 5, говорится о запрещении разжигания «социальной, расовой, национальной и религиозной розни». Разве это не есть вполне однозначная идеологическая позиция? В статье 1 говорится, что Россия — правовое государство, статья 2 гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Статья 7: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» и так далее. Другое дело, что эти статьи вопиют против того, что у нас «обеспечено» человеку в действительности, но нельзя сомневаться в том, что в них выражена определенная идеология. Особенно подробно она изложена в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина».

Но Конституцию приняли, а о провозглашаемых в ней «правах и свободах» тут же забыли. Как говорится в пословице, «прокукарекали, а там хоть не рассветай!». В основу же курса положили другую, классово-эгоистическую, буржуазно-антидемократическую идеологию партии, которая как бы в насмешку называется «Демократическим выбором России».

Если у государства, оказывается, была официальная, закреплённая в Основном законе идеология, оно должно было ее пропагандировать, воспитывать граждан в ее духе, но тогда постоянно бросалось бы в глаза разительное противоречие между тем, что оно проповедует, и тем, что делает. Поэтому предпочли фигуру умолчания, на деле же следовали совсем иной, противоположной идеологии. Разве возможны были бы такие антинародные операции, как проведенные у нас А. Б. Чубайсом приватизация и ваучеризация, если бы считались с Конституцией? Теперь говорят, что все было по закону и ничего нельзя исправить. Но с этим нельзя согласиться. Все, что противоречит Конституции, незаконно. И исправить сделанное можно. Разумеется, делать это надо умело, не вызывая чрезмерного социального напряжения. Не надо объявлять классовую борьбу богатым, но надо, чтобы те, кто несправедливо приобрел львиную долю общественного достояния, кто имеет все (1,5 % населения принадлежат 60 % национального богатства), поделились с теми, кто не имеет почти ничего.

Чтобы осуществить этот поворот, государство прежде всего должно повлиять на умы людей, кардинально изменить морально-политическую атмосферу в обществе, а для этого в правительстве надо иметь идеологический сектор, который смог бы вести серьезную идейно-воспитательную работу в масштабе страны, в различных слоях населения. Главной идеей при этом должна быть идея социальной справедливости, выраженная в концепции социально

ориентированного общества с рыночной экономикой, в которой каждый является вместе со всеми совладельцем национальных богатств.

Ясно, что цель построения капитализма не могла стать идеалом народа России с его традиционным социалистическим образом мысли (как сейчас принято говорить, менталитетом). Создание новой социальной системы требует в качестве своего условия духовного, морального и политического подъема в обществе, но идея построения капитализма не способна вызвать его, большинство населения ее не разделяет и не поддерживает. Эта идея давно исторически себя изжила, а в нашей стране она тем более обречена на неуспех.

Идея социальной справедливости имеет многовековую историю, она всегда была ведущей идеей глубоких и прогрессивных социальных преобразований. Для российского народа она является своей, родной идеей, и он безусловно поддержит то руководство, которое будет ее пропагандировать, разрабатывать в качестве программы своей деятельности и последовательно проводить в жизнь².

Библиографический список / References

Гумницкий Г. Н. Субъективны ли духовные ценности? // Экономическая и философская газета. 2009. № 5.

(Gumnitsky G. N. Are spiritual values subjective?, *Economic and Philosophical Newspaper*, 2009, no. 5. — In Russ.)

Гумницкий Г. Н. О соединении капитализма с социализмом // Экономическая и философская газета. 2012. № 14.

(Gumnitsky G. N. On combining capitalism with socialism, *Economic and Philosophical Newspaper*, 2012, no. 14. — In Russ.)

Гумницкий Г. Н. И снова о свободе: либерализм или гуманизм // Российская философская газета. 2015. № 3 (75).

(Gumnitsky G. N. On freedom once again: liberalism or humanism, *Russian Philosophical Newspaper = Rossiyskaya filosofskaya gazeta*, 2015, no. 3. — In Russ.)

Нерсисянц В. С. Продолжение истории: от социализма к цивилизму // Вопросы философии. 1993. № 4. С. 3—14.

(Nersesyan V. S. The continuation of history: from socialism to civilism, *Questions of Philosophy = Voprosy Filosofii*, 1993, no. 4, pp. 3—14. — In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Гумницкий Григорий Николаевич (1924—2017) — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет (1961—1992), г. Иваново, Россия.

Gumnitsky Grigory Nikolaevich (1924—2017) — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian disciplines, Ivanovo State University (1961—1992), Ivanovo, Russian Federation.

² Профессор Г. Н. Гумницкий продолжил разработку рассматриваемой проблематики в серии публицистических материалов [Гумницкий, 2009; Гумницкий, 2012; Гумницкий, 2015].

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Научная статья

УДК 115:165.74

DOI: 10.46724/NOOS.2026.3.18-28

Г. П. Аксёнов

ВРЕМЯ–ПРОСТРАНСТВО: РЕАЛЬНОЕ И ВИРТУАЛЬНОЕ

Аннотация. В информатике постоянно употребляется термин «реальное время». В теории оно еще называется «системные часы», которые фактически синхронизированы с астрономическим способом измерения, но не являются источником времени. Если же спросить, по какой причине время течет, мы обязаны обращаться к классической механике или к ее преобразованию в теории относительности Альберта Эйнштейна. Однако в формулах теоретической физики время и пространство представляются независимыми переменными неизвестной природы и на содержание процессов не оказывают никакого влияния. И только в биологических явлениях время и пространство отчетливо считаются явлениями природы и, как показали и доказали Анри Бергсон и Владимир Вернадский, входят в действующие причины изменений. Жизнь в форме биосферы есть единственный длящийся непрерывно и необратимо процесс во Вселенной. Сегодня, в век информатики, когда следящие системы служат моделью организма, мы можем назвать механические термины виртуальным, а биологические — реальным временем и пространством. Статья посвящена согласованию двух видов времени и пространства, найденных в истории знания.

Ключевые слова: Исаак Ньютон, Леонард Эйлер, Альберт Эйнштейн, Анри Бергсон, Владимир Вернадский, Норберт Винер, время реальное, время виртуальное, пространство реальное, пространство виртуальное.

Ссылка для цитирования: Аксёнов Г. П. Время-пространство: реальное и виртуальное // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 18—28.

Original article

G. P. Aksyonov

TIME-SPACE: REAL AND VIRTUAL

Abstract. The term “real time” is constantly used in computer science. In theory, it is also called a system clock, which is actually synchronized with the astronomical method of measurement, but is not a source of time. If we ask why time flows, we must turn to classical mechanics or its transformation in Albert Einstein's theory of relativity. However, in the formulas of theoretical physics, time and space are represented as independent variables of unknown nature and have no influence on the content of processes. Only in biological phenomena are time and space clearly considered natural phenomena and, as Henri Bergson and V. I. Vernadsky demonstrated and proved, are they among the active causes of change. Life, in the form of the biosphere, is the only continuously ongoing and irreversible process in the Universe.

Today, in the age of computer science, when tracking systems serve as a model of the organism, we can call mechanical terms virtual, and biological terms real time and space. This article is devoted to the reconciliation of these two types of time and space found in the history of knowledge.

Keywords: Issak Newton; Leonard Euler; Albert Einstein; Anri Bergson; Vladimir Vernadsky; real time; virtual time; real space; virtual space.

Citation Link: Aksyonov G. P. (2026) Time-space: real and virtual, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 18—28.

Поиск источника времени оказался успешным! Время классической механики вот уже в течение почти трехсот лет и до сих пор называют ньютоновским, а также субстанциональным или абсолютным. Оно служит главным параметром или независимой переменной всех формул, с помощью которых измеряются любые виды движения. В эпистемологическом аспекте данной парадигмы считается, что длительность принадлежит самой субстанции, или материи. Согласуемое с этим свойством название «абсолютное» предполагает, что время идет одновременно во всей Вселенной помимо тех событий, которые в ней происходят.

С такими определениями согласно большинство ученых, но называть его ньютоновским исторически не совсем верно. Ньютон действительно в «Математических началах натуральной философии» первым разделил время и пространство на абсолютные и относительные. Но оговорился, что источника времени в окружающих материальных телах и движениях не существует. Оно исходит от Бога-Вседержителя. «Он установил пространство и продолжительность. Так как любая частица пространства существует *всегда* и любое неделимое мгновение длительности существует *везде*, то несомненно, что Творец и Властитель всех вещей не пребывает *где-либо* и *когда-либо* (а *всегда* и *везде*)» [Ньютон, 1989: 660].

Окончательную и общеупотребимую форму классическому понятию времени и пространства придал Леонард Эйлер. Преобразуя геометрические построения Ньютона в более удобные для употребления алгебраические, он довел до уровня абстракции одно из условий механики Ньютона — считать, что сами тела не имеют внутренних свойств, которые влияли бы на их движение. Каждую часть тела Ньютон полагает неотделимой от целого, качественно неотличимой. В таком случае, если принять предварительное условие для построения формул механики, соглашается Эйлер, проще и правильнее считать тела просто точками, не имеющими никаких свойств, кроме одного — двигаться. Так появился более строгий и фундаментальный раздел механики — кинематика.

В таком варианте, решил Эйлер, пространство будет представлено множеством тел как точек, рассредоточенных по всему объему мироздания. Тогда определение направления и скорости движения точки сводится к задаче сравнения ее с соседними телами-точками. Тем самым целостное и сложное построение Ньютона, считавшего пространство существующим само по себе безотносительно к наполняющим его телам, в изложении Эйлера становится, напротив, относительным к соседним точкам. Оно, правда, именуется по-прежнему как абсолютное или вселенское. Что касается времени, Эйлер и здесь устранил дихотомию Ньютона, упростил его креационистскую мысль, в науке неприменимую. Он писал: «Поэтому, независимо от споров, какие могут вести философы

по поводу течения времени, нам следует для изучения движения применить некоторую меру времени; при этом следует допустить, что время протекает независимо от движения, так что можно себе представить отдельные части его, между которыми существует равенство или же неравенство в любой пропорции. Кто отказал бы нам в этой возможности, тот вообще уничтожил бы возможность какого-либо познания движения. Поэтому да будет нам позволено ввести в расчет время наравне с линиями и другими геометрическими величинами» [Эйлер, 1938: 279].

Так стараниями Леонарда Эйлера было завершено строительство здания классической механики. В ней время — уже не просто интуитивно понимаемое свойство всего длиться. С точки зрения методологии оно превратилось в договорную истину. Устранив Бога как источник времени, механика, точнее кинематика, превратилась в прекрасный инструмент измерения скоростей, расстояний, разнообразных движений. Переменная t , введенная еще Галилеем, благодаря существованию эталона времени, представленного часами, превратилась в главную составляющую всех формул.

Однако упрощение понятий времени и пространства, сослужив неоспоримую пользу практике измерений, не устранило главную загадку Ньютона о происхождении или природе времени и пространства. Его отвлеченная идея Бога не могла превратиться в положительную науку. От его определения остается только простое, хотя и очень важное ограничение: в самой механике, в любых движениях тел окружающего материального мира источника времени не существует. Ясно, что с развитием науки это противоречие должно было как-то разрешиться.

Так и получилось. Революция в понимании времени произошла в начале XX века со специальной теорией относительности (СТО), но не в той ее интерпретации, которую дал сам Альберт Эйнштейн и придерживались последующие его толкователи, а в том смысле, который обнаружил в ней французский философ и теоретик науки Анри Бергсон. Как же это произошло?

Дело в том, что за 16 лет до создания СТО, а именно в 1889 году, Бергсон написал книгу, где преодолел классический механицизм, согласно которому время идет сразу и синхронно во всей Вселенной и не имеет видимой причины длительности [Бергсон, 1923]. Нет, заявил Бергсон, источник времени как явление природы находится в нашей собственной психике, точнее — в нашем организме. Текут или сменяются состояния нашего сознания. Мы его переживаем психологически, но не в смысле некоторых душевных движений вроде смятения чувств, а в чисто объективном физиологическом смысле как движение внутренних процессов, нами ощущаемых. Вот как Бергсон определил природу времени: «Чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше “я” просто живет, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали; для этого оно не должно всецело погружаться в испытываемое ощущение или идею, ибо тогда оно перестало бы длиться. Но оно также не должно забывать предшествовавших состояний: достаточно, чтобы, вспоминая эти состояния, оно не помещало их рядом с наличным состоянием, наподобие точек в пространстве, но организовывало бы их так, как бывает тогда, когда мы вспоминаем ноты какой-нибудь мелодии, как бы слившиеся вместе» [Бергсон, 1992: 93].

Нетрудно увидеть, что Бергсон уловил здесь главное свойство времени — его ход, течение. Он назвал его *durée concrete*, то есть реальное дление. Оно есть свойство живой природы, но ни на что не похожее. Дление не накапливается, как принято в механике. Поскольку в кинематике оно превратилось в набор точек на циферблате, каждая такая точка есть как бы остановка течения времени на траектории, опространствленное мгновение. В механике каждое измерение изображается суммой таких точек, их количеством. Вот эта абстракция, выделение только одной — количественной стороны времени при элиминировании всех остальных его свойств, среди которых главные суть необратимость и однонаправленность из прошлого в будущее, — позволяет выполнять с ним разнообразные операции, то есть сложение, вычитание, возведение в степень и т. п.

Но такие действия нельзя совершить с конкретным длением, замечает Бергсон. Дление похоже на слитно звучащую без пауз мелодию, называемую в музыке легато, в отличие от стокатто — отрывистого или прерывистого звукоизвлечения. В конкретном или реальном времени никаких точек нет, и, следовательно, нет промежутков между ними, поскольку оно течет непрерывно. И течет оно только в одном месте — в самом человеческом теле, и нами, соответственно, осознается интуитивно.

Появление СТО было вызвано трудностями в применении классической динамики к открытым новым объектам физики. Если во времена Эйлера тела были видимы, то с открытием электромагнитных явлений с их ничтожными размерами и огромными скоростями понятие «тела» или индивидуальной «точки» стало неприменимо. Большое впечатление на ученый мир произвел знаменитый опыт Майкельсона — Морли, в котором выяснилось, что скорость света не зависит от скорости движения Земли по орбите и от поворотов приборов в пространстве. Для разрешения возникшей проблемы теоретик Гендрик Лоренц предположил, что свет движется в другой системе отсчета по сравнению с наличной и в ней сантиметры в направлении его движения сокращаются, а секунды раздвигаются. Именно поэтому сложения скоростей планеты и света не происходит.

Эйнштейн возвел данную измерительную конструкцию в два основополагающих постулата, на которых держится СТО. Первый постулат: «Законы, по которым изменяются состояния физических систем, не зависят от того, к которой из двух координатных систем, движущихся относительно друг друга равномерно и прямолинейно, эти изменения относятся» [Эйнштейн, 1965: 10]. Второй постулат гласил, что скорость света имеет предел, который нельзя превзойти, из чего следует, что растяжение секунд не формальная условность для измерений, а на самом деле происходит в одной из двух координатных или инерциальных систем.

Приняв такие постулаты, Эйнштейн вместе с тем не дал никакого нового определения времени. Из классического представления о времени он убрал только вселенскую одновременность, данную Ньютоном и уточненную Эйнштейном. Никакого общего и универсального времени нет. Из постулатов следовало, что в каждой системе время отдельное, местное. Эйнштейн указал: «Мы видим, что не следует придавать абсолютного значения понятию одновременности. Два события, одновременные при наблюдении из одной координатной системы, уже не воспринимаются как одновременные при рассмотрении из системы, движущейся относительно данной системы» [там же: 13].

Начиная с 1911 года, когда Эйнштейн обнародовал свой ставший знаменитым этот парадокс времени, вскоре превратившийся в «парадокс близнецов», СТО приобрела гигантскую популярность и у специалистов, и у публики. В 1922 году в Сорбонне состоялась дискуссия на тему времени между Эйнштейном и Бергсоном, которая тоже приобрела некоторую известность. По ее итогам Бергсон заявил, что Эйнштейн фактически, но сам того не осознавая, доказал единственность и универсальность его *durée concrete*. Иначе говоря, он на место Бога поставил человека, каждый раз придающего временную определенность измерению. В предисловии к своей книге по следам дискуссии Бергсон писал: «Мне хотелось знать, в какой мере моя концепция длительности может быть согласована со взглядами Эйнштейна на время. Мое восхищение этим физиком, убеждение, что он даст нам не только новую физику, но также некоторые новые приемы мышления, идея, что наука и философия суть дисциплины различные, но созданные для взаимного дополнения — все это внушило мне желание и даже вмняло в обязанность произвести тщательное сравнение. <...>

Этим положениям свойствен точно определенный физический смысл: они содержат то, что было прочитано гениальной интуицией Эйнштейна в уравнениях Лоренца. Но каково их философское значение? Чтобы выяснить это, я взял один за другим все термины формул Лоренца и стал искать, какой конкретной реальности, какой воспринимаемой или могущей быть воспринятой вещи соответствуют они. Это исследование привело меня к довольно неожиданному результату. Положения Эйнштейна оказались не только не противоречащими обычной вере людей в единое универсальное время, но они утверждали ее, они сообщили ей нечто вроде доказательства» [Бергсон, 2006: 3—4].

Прежде всего, пишет он далее, проанализируем само понятие относительности. Эйнштейн утверждает, что время в каждой из двух координатных систем свое и что в одной из них одновременность вследствие разницы скоростей превратилась в последовательность. Но в какой из них? А вот это не факт природы, а предмет нашего выбора. Эйнштейн и за ним все остальные называют обе инерциальные системы движущимися и равноправными. Но такое описание относится к обыденному, нестрогому умозаключению. В мире и в самом деле все движется, в том числе и любые две выделенные нами системы. Более того, они участвуют сразу не в одном или двух даже движениях, а во множестве, что известно со времен Галилея. Но чтобы от такого простого наблюдения перейти к научному измерению, мы обязаны вслед за Галилеем одну из них сделать неподвижной и с ней сравнивать другую систему.

Относительность, и это подчеркивает сам автор СТО, должна быть обоюдной. Если наблюдатель переместится в другую систему отсчета, та станет неподвижной с текущим в ней временем, а время в покинутой системе будет соотноситься уже с ней.

Поэтому, заявляет Бергсон, наши две системы следует называть точнее: *система отсчета* и *система отметок*. Первую мы принимаем за неподвижную, вторую — за движущуюся относительно нее. Иначе никакой разницы скоростей мы не получим. И если в системе отсчета время везде идет в соответствие с часами наблюдателя, то в системе отметок, при измерении очень быстрых (или очень далеких) объектов, секунды и сантиметры искажаются в соответствии с разницей скоростей согласно математическому алгоритму. И если мысленно

поменять системы, то система отметок превратится в неподвижную систему отсчета, а бывшая система отсчета станет движущейся системой отметок с эластичными показателями времени и пространства, то есть с увеличенными в соответствии с разницей скоростей секундами и сокращенными сантиметрами. Совершенно ясно, утверждает Бергсон, время в системе отметок есть условность, введенная для измерения, фиктивное время.

Данная ситуация полностью повторяет тот прием, говорит далее Бергсон, который давно, начиная со Средневековья, изобрели и освоили художники. Прием называется «прямая перспектива». Чтобы изобразить трехмерный объем на двумерной плоскости картины, художник сводит линии на ней к определенной точке и тем самым создает иллюзию объема, как его в действительности воспринимает наш глаз. Бергсон пишет: «Если система отсчета нами избрана и тем самым сделана неподвижной, то все происходящее в других системах должно быть изображено в перспективе, которая определяется значительностью различия между скоростью системы, подлежащей отсчету, и скоростью системы отсчета, причем последняя скорость, согласно нашему предположению, равна нулю» [там же: 104].

Именно такой прием, который следовало бы назвать «динамической перспективой», изобрел сначала Лоренц и затем повторил Эйнштейн. Сокращение сантиметров и раздвижение секунд есть такая же иллюзия или условность, которой пользуются живописцы. Если мы представим двух человек, стоящих на большом расстоянии друг от друга, и возле каждого расположится художник, оба изобразят стоящего рядом в натуральную величину, а дальнего уменьшенным в зависимости от расстояния до него. Такая ситуация и есть иллюстрация обоюдной относительности. (Замечу от себя, что если мы примем интерпретацию СТО самим Эйнштейном, то есть будем считать время в обеих системах действительным, то мы должны думать, что маленький человек — карлик, хотя мы знаем, что он обычного роста, только расположен вдалеке.)

Таким образом, желая избежать ньютоновской общей одновременности, Эйнштейн своей СТО ее утвердил, но при этом источник длительности у него не Создатель и не вселенская неопределенная длительность в духе Эйлера, а сам человек-наблюдатель. И тот не случайно появился в изложении СТО. Он из нее неустраним, потому что именно он — человек с часами — представляет собой источник длительности и пользуется ею как данным ему от природы инструментом для измерения движений вокруг себя, придавая им длительность. Человек — составляющая часть опыта, и время, которым он обладает, — неустранимая реальность. (Подобная история обнаружилась тогда же в квантовой механике.) Та система отсчета, в которой находится человек с часами, неподвижна, и в ней идет реальное время. В системе же отметок идет время условное, используемое только в динамике для измерения разницы скоростей посредством искажения времени и пространства в математических формулах. До СТО суждение Бергсона о длительности представлялось гипотезой, или необязательным философским суждением. Но возникшая СТО ее доказала.

Концепция длительности Бергсона и СТО Эйнштейна оказались дополнители друг к другу и должны восприниматься вместе, объяснять друг друга [Аксёнов, 2007].

Биологическое время единственно. Именно так совместно и взаимодейственно воспринял их наш замечательный естествоиспытатель и мыслитель академик Владимир Иванович Вернадский. К описываемой эпохе у него уже имелись главные опоры новой науки биогеохимии, основанной на теоретической концепции вечности живого вещества. В принципиальной статье «Начало и вечность жизни» того же 1922 года он задался вопросом: «Был ли когда-нибудь космос без проявлений жизни, может ли быть безжизненный космос? Мы знаем — и знаем научно — что космос без материи и без энергии не может существовать. Но достаточно ли материи и энергии — без проявления жизни — для построения космоса, той Вселенной, которая доступна человеческому разуму, то есть научно построяема» [Вернадский, 2023а: 25].

Рассмотрев трехсотлетнюю историю поисков происхождения жизни, в течение которой незыблемо подтверждался тезис флорентийского врача XVII века Франческо Реди «Все живое — только от живого», Вернадский дает ответ: «Признавая биогенез, согласно научному наблюдению, за единственную форму зарождения живого, неизбежно приходится допустить, что начала жизни в том космосе, какой мы наблюдаем, не было, поскольку не было начала этого космоса. Жизнь вечна постольку, поскольку вечен космос и передавалась всегда биогенезом. То, что верно для десятков и сотен миллионов лет, протекших от архейской эры и до наших дней, верно и для всего бесчисленного хода времени космических периодов истории Земли. Верно и для всей Вселенной» [там же: 52].

Теперь с этим принципиально важным тезисом Вернадский обратился к существу вопроса о времени, без которого представление об основах космоса невозможно. Он увидел, что Эйнштейн покончил с эйлеровской неопределенной одновременностью течения времени сразу во всей Вселенной, и тут же Бергсон показал, что на самом деле он ввел в формулы относительности *течение жизни* [Аксёнов, 2020].

Статью Вернадского следует считать подлинным завершением научной революции начала XX века. Вслед за открытиями атома как химического элемента и его строения стало понятно, что такое время: оно есть внутреннее движение живого вещества. Вернадский распространяет теорию Бергсона на размножение организмов как наиболее яркое выражение их *дления*, и выводит эмпирическую формулу умножения особей:

$$N_n = 2n \Delta.$$

Здесь в левой части N — число особей в n дней, а в правой дельта обозначает число поколений в сутки. Эта геометрическая прогрессия дала ему конкретные цифры. Неожиданно оказалось, что в наследственности каждого вида живого заложен предел размножения, который не может быть превзойден. Он зависит от генетического устройства, а не от внешних условий. Таким образом, практически Вернадский нашел мировые константы, такие же точные, как физические постоянные в строении материи. Отсюда он сделал вывод: «Число царит здесь так же, как оно царит в движении небесных светил, и начинает нам выявляться в мире сложных систем атомов и их сочетаний. Движения живых существ по поверхности планеты благодаря размножению — перенос на ней выработанной энергии — так же неизменны, так же определены и так же могут быть предвычислены, как движение небесных тел» [Вернадский, 1992: 99].

Таким образом, Вернадский сделал более конкретным и точно обозначенным понятие о времени, которое вытекало из концепции Бергсона, нечаянно доказанной Эйнштейном в СТО. Время относительно не только к человеку, но и ко всему живому веществу биосферы Земли. Подробно размножение как функция времени описана Вернадским в его классической книге «Биосфера» (1926). И, наконец, еще через три года Вернадский дал реальному времени Бергсона конкретное естественнонаучное название: «биологическое время». Никакого другого времени в действительности реально не существует. *Размножение и, следовательно, дление времени есть единственный никогда не прекращающийся процесс во Вселенной, необратимый и однонаправленный.* Сравнивая это понятие с тем, которое существует в физических отделах знания, он утверждает его приоритетность и конкретность: «Но с точки зрения интересующего нас здесь вопроса о значении изучения жизни для выявления основной научной картины мира ясно, что и для пространства, и для времени мироздания это изучение не безразлично. Оно вводит новые черты, не открываемые другими физическими или химическими процессами.

Ясно, что жизнь неотделима от Космоса, и ее изучение должно отразиться — может быть, очень сильно — на его научном облике» [Вернадский, 2023б: 118].

Вернадский выяснил пространственные размеры биосферы как геологической оболочки. Но размеры наличного и функционирующего в каждый данный момент времени живого вещества биосферы в гигантской степени превышают геодезическую поверхность земного шара. Определяющее значение имеет рабочая, энергетическая площадь зеленого вещества биосферы. Вернадский дает такие предварительные расчеты: «Несомненно, в среднем даже на суше площадь зеленого слоя, захватывающего солнечные лучи, превышает в максимальном своем проявлении более чем в 100 раз ее поверхность, покрытую растительностью. В мощном верхнем слое мирового океана — в четыреста и более метров — зеленая поверхность той же толщины (примерно в толщину листа растения или зеленого слоя наземных зеленых протистов) превысит, несомненно, эту величину во много раз. В конце концов, на пути солнечного луча получается сплошная поверхность микроскопических хлорофильных трансформаторов его энергии, превышающих поверхность самой большой планеты солнечной системы — Юпитера или к ней близкая. Поверхность Земли равна $5,1 \cdot 10^8$ км², поверхность Юпитера — $6,3 \cdot 10^{10}$ км²; принимая во внимание, что 5 % поверхности нашей планеты лишена зеленой растительности, и что захватывающая солнечный луч площадь ее увеличивается размножением зеленой растительности от 100 до 500 раз, зеленая растительность в максимальном ее проявлении будет соответственно $5,1 \cdot 10^{10}$ — $2,55 \cdot 10^{11}$ км²» [Вернадский, 1994: 347—348].

Трансформационная или рабочая поверхность Земли оказывается самым большим телом в солнечной системе. И это без учета хемосинтетических организмов, суммарная биомасса которых даже превышает зеленую биомассу. Функционирующие на основе хемосинтеза одноклеточные прокариоты еще увеличат поверхность Земли на много порядков, она будет сравнима с поверхностью Солнца. Именно внутри этого реального сфероида, для которого сейчас и названия нет, происходят все главные события нашей оживленной планеты, в том числе и прирост ее вещества. Но все расчеты еще впереди, если мы примем идеологию времени и пространства Бергсона и Вернадского.

Появление виртуального времени. Теперь же зададимся вопросом соотношения обнаруженных в истории знания и в природе единиц времени и пространства. Одно из них используется в науках о неживой природе, не осознающих вслед за Эйнштейном, что оно относится к живой природе и к человеческой деятельности как составной части биосферы. Мне кажется, что для понимания их соотношения и для дальнейшей работы с этими единицами нам следует обратиться к информатике. Норберт Винер, разрабатывая теоретические основы кибернетики, писал, что компьютер — это не вычислительная машина, которые создавались еще в Античности. Но только когда в нее встроили обычные, непрерывно идущие часы, она заработала как система с обратной связью, или как следящая система. В ней вычисление процесса и контроль за ним идут вместе. В соответствии с осью текущего реального времени строятся программы, то есть последовательность операций. Вот почему в начальной главе своей книги, названной «Ньютоново и Бергсоново время». Винер пишет: «Современный автомат существует в таком же бергсоновом времени, как и живой организм» [Винер, 1983: 99].

Такое заявление есть некоторое преувеличение. Исходя из ньютоновой дихотомии — абсолютное и относительное — и двухсистемности Эйнштейна, где лишь одно время реальное, мы видим здесь разделение времени на эйнштейново и бергсоново сразу. Компьютер повторил живую клетку, а не стал ею. Он имитирует ее, как модель живой клетки. Встроенные в него часы создают течение или ход времени в качестве модели реального дления. Идущие в нем часы вне зависимости от того, включен он или нет, идут синхронно с биологическим временем всего человечества.

Вместе с тем, задавая компьютеру программу математических операций, мы включаем механическую виртуальную скорость. Эта скорость в сотни тысяч и миллионы раз превышает реальную и, возможно, даже где-то превышает скорость света. Но результат компьютер выдает нам по обычным часам, в темпе жизни пользователя. Повторилась история со СТО. Человек неустраним из следящих систем как носитель дления. Система использует реальное течение жизни пользователя, синхронизированное со встроенными в автомат часами. Таким образом, мы вместе с компьютером используем соотношение двух времен для управления цифровыми операциями.

Подведем итоги. Время механики или время системы отметок в СТО, символизируемое эластичными единицами, мы можем назвать виртуальным временем. Часы не являются генератором времени, но только его счетчиком. Время может измеряться любым периодическим процессом — движением астрономических тел, равномерным падением капель или квазарами в космосе. Но реальное время течет только в живом организме, где оно обладает не только счетом, наглядно пульсом, например, но используется во всей полноте его свойств, чего нет в виртуальном времени с его чисто количественной стороной.

В современной информатике под реальным временем понимается техническое устройство, еще называемое «системные часы», синхронизируемые с нашим астрономическим временем. Их встраивают в любые следящие устройства, в том числе в компьютеры или смартфоны, и они никогда не выключаются. Но в теоретическом смысле все еще нет понятия о том, что реальное время по своим свойствам есть биологическое дление.

С помощью понятия «реальное время» мы устраняем путаницу между двумя понятиями, обозначаемыми одним и тем же значком t . Иначе говоря, между неопределенной *длительностью* физических формул и конкретным *длением* жизненных процессов. Принять реальность времени нам мешает традиция упрощенной истории знания.

На самом деле, если обратить достижения Бергсона и Вернадского вспять, мы увидим, что двусоставность понятия времени была найдена уже Ньютоном в его дихотомии времени на абсолютное и относительное. Затем в других терминах и в применении к электродинамике ситуация повторена Эйнштейном. В его двух движущихся одна относительно другой системах время реально или действительно только в системе отсчета, а в системе отметок оно относительно и условно. Бергсон доказал, что реальное время только первое, относящееся к человеку с часами. Завершил исследование Вернадский, показав, что реальное время Бергсона есть биологическое время, и оно относится к биосфере как планетному и космическому явлению, такому же вечному, как материя и энергия.

В физике и астрономии биологические процессы полагают случайными, поскольку их никогда не наблюдали в мироздании, где якобы нет ничего кроме безжизненной материи. Соответственно, в точных науках не случайно нет и никакого определения времени, его природы или причины длениа. Для преодоления ошибочных теорий происхождения жизни, то есть никогда не доказанного абиогенеза, необходимо обратиться к концепции Вернадского о вечности жизни в космосе. В его исследованиях биосферы и вечности живого вещества мы получаем твердую основу для различения реальных и виртуальных времени и пространства и использования их в таком качестве.

Библиографический список / References

- Аксёнов Г. П. К истории понятий длительности и относительности // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 107—117.
(Akseyonov G.P. (2007) On the history of the concepts of duration and relativity, *Questions of Philosophy = Voprosy Filosofii*, 2007, no. 2, pp. 107—117. — In Russ.)
- Аксёнов Г. П. Счастливая ошибка Альберта Эйнштейна // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 117—126. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-117-126.
(Akseyonov G.P. (2020) Albert Einstein's lucky mistake, *Questions of Philosophy = Voprosy Filosofii*, 2020, no. 8, pp. 117—126. — In Russ.)
- Бергсон А. Длительность и одновременность. По поводу теории Эйнштейна. Петербург: Academia, 1923. 154 с.
(Bergson H. *Duration and Simultaneity: Regarding Einstein's Theory*, Peterburg, 1923, 154 p. — In Russ.)
- Бергсон А. Собрание сочинений. Т. 1. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. М.: Московский клуб, 1992. 325 с.
(Bergson H. *Collected Works*, vol. 1: *Time and Free Will: An Essay on the Immediate Data of Consciousness. Matter and Memory*, Moscow, 1992, 325 p. — In Russ.)
- Бергсон А. Длительность и одновременность. По поводу теории Эйнштейна. М.: Добросвет, КДУ, 2006. 160 с.
(Bergson H. *Duration and Simultaneity: Regarding Einstein's Theory*, Moscow, 2006, 160 p. — In Russ.)

Вернадский В. И. О размножении организмов и его значении в строении биосферы // Вернадский В. И. Труды по биогеохимии и геохимии почв. М.: Наука, 1992. С. 75—101.

(Vernadsky V. I. On the reproduction of organisms and its significance in the structure of the biosphere, in Vernadsky V. I. *Works on Biogeochemistry and Soil Geochemistry*, Moscow, 1992, pp. 75—101. — In Russ.)

Вернадский В. И. Живое вещество и биосфера. М.: Наука. 1994. 669 с.

(Vernadsky V. I. *Living Matter and Biosphere*, Moscow, 1994, 669 p. — In Russ.)

Вернадский В. И. Начало и вечность жизни // Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. Статьи. М.: Гаудеамус, 2023а. С. 25—60.

(Vernadsky V. I. The beginning and eternity of life, in Vernadsky V. I. *The Beginning and Eternity of Life. Articles*, Moscow, 2023, pp. 25—60. — In Russ.)

Вернадский В. И. Изучение явлений жизни и новая физика // Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. Статьи. М.: Гаудеамус, 2023б. С. 83—119.

(Vernadsky V. I. The study of life phenomena and new physics, in Vernadsky V. I. *The Beginning and Eternity of Life. Articles*, Moscow, 2023, pp. 83—119. — In Russ.)

Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. 344 с.

(Wiener N. *Cybernetics: or Control and Communication in the Animal and the Machine*, Moscow, 1983, 344 p. — In Russ.)

Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 688 с.

(Newton I. *Mathematical Principles of Natural Philosophy*, Moscow, 1989, 688 p. — In Russ.)

Эйлер Л. Основы динамики точки. М.; Л.: Объединенное научно-техническое издательство, 1938. 499 с.

(Euler L. *Fundamentals of Point Dynamics*, Moscow-Leningrad, 1938, 499 p. — In Russ.)

Эйнштейн А. К электродинамике движущихся тел // Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 1. М.: Наука, 1965. С. 7—35.

(Einstein A. On the Electrodynamics of Moving Bodies, in Einstein A. *Collected Scientific Works*, vol. 1, Moscow, 1965, pp. 7—35. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.06.2026; одобрена после рецензирования 30.06.2026; принята к публикации 28.08.2026.

The article was submitted 15.06.2026; approved after reviewing 30.06.2026; accepted for publication 28.08.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Аксёнов Геннадий Петрович — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, г. Москва, Россия, gen.aksenov@mail.ru

Aksyonov Gennady Petrovich — Candidate of Science (Geography), Leading Researcher, Institute of the Natural Science and Technology History named after S. I. Vavilov, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, gen.aksenov@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

УДК 37.014:004.946

DOI: 10.46724/NOOS.2026.3.29-34

В. В. Петров

СОЦИАЛЬНЫЙ МИФ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен социального мифа и социального мифотворчества в условиях современного образовательного пространства, все больше перемещающегося в виртуальную среду. Автор прослеживает эволюцию понятия «социальный миф» от его появления в начале XX века до наших дней. На примере распространенных образовательных мифов показано, как они, транслируясь в виртуальном образовательном пространстве, формируют ложные ожидания, стереотипы и препятствуют реальному развитию навыков. Автор приходит к выводу, что стихийное и лавинообразное распространение социальных мифов в виртуальном образовательном пространстве требует социального регулирования и предлагает трехуровневую систему контроля, а также повышение информационной грамотности и развитие критического мышления.

Ключевые слова: образовательные технологии, эгалитарное образование, массовое сознание, виртуальная реальность.

Ссылка для цитирования: Петров В. В. Социальный миф в образовательном пространстве виртуальной реальности // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 29—34.

Original article

V. V. Petrov

SOCIAL MYTH IN THE VIRTUAL REALITY EDUCATIONAL SPACE

Abstract. The article examines the phenomenon of social myth and social myth-making within the modern educational landscape, which is increasingly shifting into the virtual realm. The author traces the evolution of the concept of “social myth” from its emergence in the early 20th century to the present day. Using examples of common educational myths, the article demonstrates how their dissemination within the virtual educational space fosters false expectations and stereotypes while hindering genuine skill development. The author concludes that the spontaneous and rapid proliferation of social myths in the virtual educational environment necessitates social regulation and proposes a three-tiered control system, alongside measures to enhance information literacy and foster critical thinking.

Keywords: educational technologies, egalitarian education, mass consciousness, virtual reality.

Citation Link: Petrov V. V. (2026) Social myth in the virtual reality educational space, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 29—34.

© Петров В. В., 2026

Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 29—34 •

Изначально понятие «социальный миф», которое было введено Ж. Сорелем в начале XX века, использовалось для обозначения преднамеренной реализации коллективных идей, способных не только мобилизовать массы, но и побудить их к направленным социальным действиям вне зависимости от того, насколько декларируемые идеи соответствуют объективной реальности [Сорель, 2013]. В современных условиях, будучи полностью встроенным в систему общественных отношений и во многом определяя социальные процессы, социальный миф в самом общем смысле стал представлять собой сформировавшееся на бессознательном уровне мировоззрение, влияющее на социальные действия людей и выражающее интересы различных социальных групп, в связи с чем социальное мифотворчество¹ получило серьезный импульс для своего стремительного развития [Калиниченко, Квеско, Шинн, 2008: 119].

С начала XX века анализ социального мифа как феномена широко осуществлялся отечественными (Е. М. Мелетинский, А. Ф. Лосев, В. Я. Пропп, М. М. Бахтин, П. С. Гуревич др.), и зарубежными (Ж. Сорель, Э. Кассирер, Р. Барт, Ф. Ницше, З. Фрейд, Г. Лебон, К. Леви-Строс, Э. Дюркгейм и др.) исследователями, но при этом их внимание, прежде всего, было сосредоточено на классической мифологии и процессах мифотворчества.

Первой чертой социального мифа является наличие власти, воли, заданной извне цели; вторая черта обусловлена связью живущих внутри мифа: социальный миф служит установлению и поддержанию мировоззрения; третья черта подчеркивает искривление и замещение реальной информации, которая берется за основу для создания социального мифа: если есть возможность найти точки зрения, когда информация ложна, в то время как существуют точки зрения, когда она истинна, но при этом присутствует лицо, заинтересованное в строго определенной интерпретации, тогда именно эта интерпретация и будет выступать в качестве современного мифа [Ульяновский, 2012: 19].

Стихийное возникновение социальных мифов, то есть «настоящее» социальное мифотворчество, — процесс объективного формирования мифа, дистанцированный от воли и непосредственного влияния социальных объектов. Самостоятельно миф может возникнуть либо как потребность настоящего времени, попытка и средство объяснить те обстоятельства или ситуации, которые не могут быть объяснены с рациональной точки зрения, либо как упрощенная интерпретация не для всех понятных объяснений. В отличие от стихийного, целенаправленного мифотворчества является рациональным мифотворчеством, формирующим в качестве итогового продукта миф с заранее обдуманым замыслом. В настоящее время отчетливо проявляется тенденция намеренного конструирования социальных мифов, отвечающих определенным запросам и вмещающих в себе упрощенную интерпретацию тех или иных фактов. Динамика социального мифотворчества в виртуальной среде содержит как хаотичное иррациональное появление социальных мифов, так и намеренное их конструирование и распространение. Таким образом, социальное мифотворчество представляет собой процесс создания и распространения искажающих, упрощающих или подменяющих реальное знание информационных сообщений, которые оказывают влияние на поведение людей и их отношение к действительности.

¹ Под социальным мифотворчеством мы понимаем процесс создания социальных мифов, общественных иллюзий в разных сферах общественной жизни.

По данным А. П. Корякиной, механизмы мифологизации в наши дни работают более чем успешно: виртуализация вступает в союз с мифологизацией, «становясь не только ее незаменимой помощницей, но и сливаясь с ней в единое целое, что ускоряет процессы мифологизации во много раз» [Корякина, 2016: 103]. За счет виртуализации социальное мифотворчество «захватывает» новые площадки транслируемой информации, адаптируется к новым условиям и тем самым расширяет поле социальных мифов. Поскольку виртуальная среда представляет собой форму общения, где реализуется широкое межличностное взаимодействие, осуществляющееся посредством цифровых технологий [Петров, 2023: 99], то она выступает в качестве идеальной территории, способствующей конструированию и распространению социальных мифов, присутствующих в процессах образования, обучения и воспитания, влияющих на человеческое сознание и формирующих личность [Петров, 2024: 99].

Благодаря современным технологиям, получившим взрывное развитие в период пандемии COVID-19, сегодня сфера образования существует в двух реальностях — реальной и виртуальной. Соответственно, социальные мифы, одновременно существуя в нескольких плоскостях образовательного пространства, колоссально увеличивают сферу собственного распространения. В самом широком смысле виртуальное образовательное пространство может быть представлено как «информационное пространство взаимодействия участников образовательного процесса, порождаемое информационно-коммуникативными технологиями» [Кондратович, Чеботарева, 2020: 53], то есть под виртуальным образовательным пространством мы можем понимать особую многофункциональную пространственную модель, реализующую совокупность информационных и коммуникационных технологий для благоприятного взаимодействия участников образовательного процесса друг с другом и с образовательными объектами, направленную на достижение ими компетентных результатов.

Социальные мифы мягко и постепенно создают нужный образ в мировоззрении широких слоев населения. Применительно к образованию они представляют собой устойчивые стереотипы и ложные убеждения, которые транслируются обществом, влияя на ожидания от учебного процесса и фактически препятствуя реальному развитию навыков. В качестве наиболее ярких примеров мы можем привести следующие группы достаточно распространенных социальных мифов. Прежде всего — это мифы об оценках и способностях. Во-первых, «хорошие оценки — залог успешной карьеры». То есть общество внушает обучающимся, что отличники добиваются большего. На самом деле это далеко не всегда соответствует действительности, поскольку отличники хотя и действительно часто могут хорошо соответствовать правилам системы (синдром отличника), но для реального успеха только этого бывает недостаточно: в современном динамично меняющемся мире наравне с требованиями соответствия «стандартам», на ключевые позиции выходят гибкость, креативность, умение справляться с неудачами и т. д. Во-вторых, «есть гуманитарии и “технари” от природы», что фактически представляет собой распространенное заблуждение, оправдывающее нежелание развивать определенные навыки. Вместе с тем ряд когнитивных исследований доказывает, что при должном подходе к обучению (нейропластичности) практически любой человек способен освоить как естественнонаучные, так и социально-гуманитарные области знания.

Не менее распространенными являются и мифы о процессе обучения: «перечитывание конспекта — лучший способ подготовки к экзамену», «мозг работает только на 10 %», «главное — научиться искать любую информацию, а знать ее наизусть не обязательно» и т. д. То есть обучающимся кажется, что если текст перед глазами понятен, значит, он остается в голове. Но это не так — в действительности, как известно, перечитывание создает лишь «иллюзию знания» в то время, как собственно усвоение требует активного воспроизведения информации, включая интервальные повторения. Кроме того, результаты исследований по нейровизуализации подтверждают, что мозг человека задействован в процессе познания целиком и полностью. Что касается поиска информации, безусловно, необходимо обладать умением поиска и сортировки, но без знания базовых фактов и умения выстраивать логически причинно-следственные связи существенно ограничивается способность критически мыслить и осуществлять синтез новых идей.

И конечно же, нельзя обойти вниманием и устойчивые мифы, не требующие пояснений, о системах и форматах обучения «мы 20 лет (или 30, или 50) читали студентам эти лекции, они отточены временем, поэтому ничего нового мы вносить туда не будем», «цифровизация — безоговорочное зло для системы образования», «писать конспекты надо только от руки» и т. д. К сожалению, продолжать этот перечень можно достаточно долго.

Перемещаясь в плоскость виртуального образовательного пространства, социальные мифы не трансформировали и не утратили свои сущностные характеристики, а приобрели обоснованные причины перехода на новый уровень реализации образования. С появлением новых технологий, в частности новых средств массовой коммуникации, происходит изменение лишь формы социального мифа. Содержание социального мифа и, соответственно, социальной мифологии, не подвергается при этом существенным изменениям. Соответственно, социальные мифы в виртуальном образовательном пространстве представляют собой те же мифы «реального» классического образования, но под влиянием ряда причин имеющие смысл возникновения и распространения в виртуальной плоскости образовательного процесса.

Одной из важных черт виртуального пространства является его массовость, где географически не связанные между собой индивиды тем не менее находятся в одном месте, взаимодействуют друг с другом, делятся опытом и знаниями, собираются и организуют сообщества, вещая на огромные аудитории, формируя ценности и нормы массовой культуры. Виртуальное образовательное пространство, выступая площадкой взаимодействия большого количества людей, связанных общей образовательной идеей, является идеальной средой для распространения социальных мифов, предоставляя возможность глобального охвата аудитории и распространения необходимых установок.

Важной причиной интенсивного развития социального мифа в виртуальном образовательном пространстве является то, что массовая коммуникация делает мифотворчество дистантным и анонимным [Петров, 2023: 100], то есть появляется возможность сохранения анонимности создателя — в сети помимо официальных и формальных образовательных ресурсов существует и развивается множество неформальных сообществ и объединений (студенческие группы, форумы, «консультационные организации», «школы» и т. д.), на платформах которых могут размещаться «посты», объявления, новости, программы и др.,

пользователями, пожелавшими остаться анонимными; при этом содержание предлагаемого к размещению материала может носить явный/неявный характер информации, содержащей какие-либо предпосылки или действительные элементы социальных мифов. Таким образом, современный социальный миф представляет собой не архаичный, отживший себя вымысел, а переживаемый, действующий, встроенный в реальность и наделяющий ее смыслом феномен. Социальное мифотворчество, стремительно расширяясь за счет виртуализации образовательного пространства [Ульяновский, 2012], создает для человека иллюзию понимания мира, находя отклик в массовом сознании, которое, в свою очередь, во многом опирается на мифы.

Суть же современного социального мифотворчества, которая заключается в сокрытии реального знания, его частичной трансформации в иллюзию, выполняющую необходимую функцию — ориентацию общественного поведения и социального отношения в определенном направлении, осталась неизменной. Изменились лишь его формы и расширилась среда распространения, в которой социальный миф по-прежнему выступает как намеренно сконструированный образ, отвечающий запросам уполномоченного субъекта, способный объяснить собственную значимость и являющийся истиной для выбранной целевой аудитории. Соответственно, социальное мифотворчество, которое стихийно и лавинообразно развивается в виртуальном образовательном пространстве, нуждается в социальном регулировании и, прежде всего, контроле качества и достоверности предлагаемого контента.

Для того чтобы подобное регулирование было действительно социальным, а не формальным, необходима выработка четких критериев и создание определенных механизмов на трех взаимосвязанных уровнях: нормативно-правовом, техническом и неформальном, куда можно отнести модерацию контента, автоматический анализ текста, систему рейтингов и обратную связь, но без осуществления обучения и повышения уровня информационной грамотности вряд ли окажется возможным хотя бы частичное решение обозначенной проблемы. С целью релевантного подхода к взаимодействию с социальными мифами, виртуальное образовательное пространство может включать в себя программы и проекты, нацеленные на повышение уровня информационной грамотности, направленной на формирование навыков рефлексивного осмысления получаемой информации и развитие критического мышления (при условии обязательной предварительной оценки данных программ и проектов внешним общепризнанным экспертным сообществом). В противном случае, неконтролируемое распространение социальных мифов в виртуальном образовательном пространстве спровоцирует снижение качества образования в эгалитарном секторе, что неизменно приведет к иллюзорному восприятию окружающей реальности.

Таким образом, проведенный анализ современного социального мифа в системе образования, переходящего в виртуальную плоскость, показывает, что социальное мифотворчество может использоваться, с одной стороны, например, для легитимации власти и контроля над обществом, но с другой стороны — при соответствующем социальном контроле оно может выступать в качестве ответственного инструмента сплочения нации ради созидательных целей.

Библиографический список / References

- Калининченко С. С., Квеско Р. Б., Шинн Т. Определение места мифодизайна как социокультурного феномена // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 312, № 6. С. 118—120.
- (Kalinichenko S. S., Kvesko R. B., Shinn T. Defining the place of mytho-design as a sociocultural phenomenon, *Tomsk Polytechnic University Bulletin*, 2008, vol. 312, no. 6, pp. 118—120. — In Russ.)
- Кондратович И. В., Чеботарева Е. А. Виртуализация российского образовательного пространства в условиях современного информационного общества // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2020. № 3. С. 51—57.
- (Kondratovich I. V., Chebotareva E. A. (2020). Virtualization of the Russian educational space in the context of the modern information society, *Russian New University Bulletin. Series: Man and Society*, 2020, no. 3, pp. 51—57. — In Russ.)
- Корякина А. П. Постмодернистский взгляд на проблему подлинности: хаосмос смыслов и переход к виртуализации бытия. Киров: Вятский гос. ун-т, 2016.
- (Koryakina A. P. *Postmodern View on the Problem of Authenticity: The Chaosmos of Meanings and the Transition to the Virtualization of Being*, Kirov, 2016. — In Russ.)
- Петров В. В. Локализация как доминирующий фактор развития национальных систем образования // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 96—104.
- (Petrov V. V. Localization as a dominant factor in the development of national education systems, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2023, no. 74, pp. 96—104. — In Russ.)
- Петров В. В. Социальное мифотворчество в виртуальном образовательном пространстве // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2024. № 78. С. 94—104.
- (Petrov V. V. Social myth-making in the virtual educational space, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2024, no. 78, pp. 94—104. — In Russ.)
- Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер, 2013. 291 с.
- (Sorel G. *Reflections on Violence*, Moscow, 2013, 291 p. — In Russ.)
- Ульяновский А. В. Современные мифы и безграничное наслаждение в Internet. СПб.: СПбГУ, 2012. 149 с.
- (Ulyanovsky A. V. *Modern Myths and Limitless Pleasure on the Internet*, St. Petersburg, 2012. 149 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.06.2026; одобрена после рецензирования 30.06.2026; принята к публикации 28.08.2026.

The article was submitted 08.06.2026; approved after reviewing 30.06.2026; accepted for publication 28.08.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Петров Владимир Валерьевич — доктор философских наук, доцент, Новосибирский государственный университет, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия, vvpetrov@mail.nsu.ru

Petrov Vladimir Valeryevich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Novosibirsk State University, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, vvpetrov@mail.nsu.ru

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Научная статья

УДК 340.12:17.02

DOI: 10.46724/NOOS.2026.3.35-43

Е. Ю. Черепнина

ЭТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ПРАВЕ: ПУТЬ ПОСТРОЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ИДЕАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ П. И. НОВГОРОДЦЕВА

Аннотация. В работе исследуется философско-правовая концепция общественного идеала в творчестве выдающегося русского правоведа П. И. Новгородцева. Автор обращается к неокантианской мысли Новгородцева, делая акцент на принципе нравственного долженствования как исходной точке его теоретических построений. Показано, что право, по Новгородцеву, не сводится к механизму принуждения, а выступает формальным условием, обеспечивающим возможность нравственного развития личности. Особое внимание уделяется соотношению права и морали: если мораль задает абсолютный ориентир, то право очерчивает ту минимальную границу, за которой начинается свободное, бесконечное движение к идеалу. Критический анализ марксистской доктрины позволяет Новгородцеву сделать вывод об ее утопичности ввиду отрицания автономии личности и подмены этического долженствования исторической необходимостью. Делается вывод о том, что общественный идеал, по мнению П. И. Новгородцева обретает устойчивость лишь при условии баланса между формальной определенностью права и нравственной ответственностью личности, что составляет альтернативу как позитивистскому нормативизму, так и революционному утопизму.

Ключевые слова: общественный идеал, нравственное долженствование, право, мораль, автономия личности, неокантианство.

Ссылка для цитирования: Черепнина Е. Ю. Этическое начало в праве: путь построения общественного идеала в творчестве П. И. Новгородцева // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 35—43.

Original article

Е. Yu. Cherepnina

ETHICAL PRINCIPLE IN LAW: BUILDING A SOCIAL IDEAL IN THE WORKS OF P. I. NOVGORODTSEV

Abstract. This study examines the philosophical-legal concept of the social ideal in the work of the prominent Russian legal scholar P. I. Novgorodtsev. The author focuses on Novgorodtsev's Neo-Kantian thought, emphasizing the principle of moral obligation as the starting point of his theoretical constructs. It is demonstrated that, for Novgorodtsev, law is not merely a mechanism of coercion but serves as a formal condition enabling the individual's moral development. Particular attention is paid to the relationship between law and morality: while mo-

© Черепнина Е. Ю., 2026

Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 35—43 •

ality establishes an absolute benchmark, law defines the minimum boundary beyond which the free, infinite movement toward the ideal begins. A critical analysis of Marxist doctrine leads Novgorodtsev to conclude that it is utopian, given its denial of individual autonomy and its substitution of historical necessity for ethical obligation. The study concludes that, in Novgorodtsev's view, the social ideal achieves stability only through a balance between the formal definiteness of law and the individual's moral responsibility — a balance that offers an alternative to both positivist normativism and revolutionary utopianism.

Keywords: social ideal, moral imperative, law, morality, personal autonomy, Neo-Kantianism.

Citation Link: Cherepnina E. Yu. (2026) Ethical principle in law: building a social ideal in the works of P. I. Novgorodtsev, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 35—43.

«Первый представитель и поборник критического идеализма» — так пишет о Павле Ивановиче Новгородцеве Г. Д. Гурвич в статье «Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев» [Gurwitsch, 1922—1923]. По прошествии многих лет И. А. Ильин вспоминал: «Мы, начинающие студенты, слушали его по-особенному, многого не понимая, напряженно ловя каждое слово, напряженно внимая: он говорил о главном; не о фактах и не о средствах, отвлеченно, но о живом; он говорил о целях жизни и, прежде всего, о праве ученого исследовать и обосновывать эти цели. Вокруг него, его трудов, докладов и лекций шла полемика, идейная борьба, проникавшая даже в газеты; с ним соглашались, ему возражали; раздраженно выступали “материалисты”, энергично смыкали свои ряды “философы”. Слагалось идейное бродило, закладывались основы духовного понимания жизни, общественности и политики. Его семинарий был многолюдный, оживленный, со страстными встречами марксистов, народников, идеалистов и с атмосферой общего доверия к истинному, уравновешенному, внутренне горящему и внешне сдержанному руководителю. Я помню ту бурю приветствия, которою мы встретили его, вернувшегося из Петербурга после защиты докторской диссертации, его взволнованное, побледневшее лицо, его дрогнувший в словах благодарности голос...» [Ильин, 1923/1924: 370—371].

Новгородцев является одним из самых выдающихся правоведов прошлого столетия, о чем свидетельствуют не только приведенные выше комментарии его учеников и соратников, но в целом его творчество, целью которого было создание философии права как дисциплины, синтезирующей общую теорию права, и этико-религиозные теории, отрицающие или принижающие значение права.

Новгородцев стремился в своем творчестве уместить не только важнейшие политико-правовые, но и житейские вопросы. Его масштаб личности, глубину мысли и скрупулезный подход трудно переоценить. Именно потому его соратники и ученики так тепло о нем отзывались, говоря, что его критический и глубокий взгляд на мир «возводил каждый житейский вопрос до высоты нравственно-философской проблемы и, обратно, развертывал метафизические идеи в систему практических постулатов и прикладных знаний» [Флоровский, 1929; Флоровский, 1979: 52].

Творческая деятельность Новгородцева начиналась в эпоху господства позитивизма. Это было время, когда, «лучше было быть заподозренным в мелком воровстве, чем в недостатке историзма» [Флоровский, 1979: 52]. Новгородцев это верно прочувствовал: историзм как «отвлеченное» мировоззрение неизбежно приводит к нравственному безразличию и бездействию. Как отмечает Е. А. Фролова, если жизнь определяется только игрой естественных органических сил, она тем самым освобождается от нравственного надзора и суда. Нравственные оценки теряют практический смысл, и остается только смириться перед силой грубого факта [Фролова, 2023].

Все его работы имеют не только теоретический, но и практический характер, и можно определить их как крайне успешные попытки по оценке настоящего, которые полезны не только теоретикам, но и выступают в роли практического пособия для политических деятелей, в чем мы с вами убедимся, рассматривая более подробно его учение о нравственном должновании и общественном идеале. Это определяется тем, что помимо статуса профессора Русского юридического факультета, будучи видным ученым-правоведом, Павел Иванович также занимал и серьезный пост на государственной службе. Новгородцев был членом Первой Государственной Думы, где выступал инициатором по разработке демократических законопроектов, рассмотрения жалоб от населения.

Творчество Павла Ивановича Новгородцева остается актуальным не только для его современников, но и в наши дни, так как те вопросы, которые он рассматривал, в частности вопросы о функции государства, постоянно видоизменяются, и проблема соотношения личности и государства никуда не исчезает, скорее наоборот, с каждым годом становится все актуальнее, побуждая ученых-юристов и юристов-практиков к обсуждению основ правового государства, осуществления и защиты права на достойное человеческое существование и т. д.

Преследуя обозначенную ранее цель — создать такую философию права, которая выступала бы как некая синергия общей теории права и этико-религиозных доктрин, П. И. Новгородцев определил своим главным интересом исследование вопроса о самостоятельном значении нравственного начала в праве, поскольку именно такой к подход политико-правовым доктринам позволит разорвать связь с традициями исключительного историзма и социологизма и перейти к системе нравственного идеализма, сторонником которого он являлся.

На рубеже XIX—XX веков развивалось новое общественное, научное, философское течение — идеализм, представителями которого в России были, прежде всего, известные мыслители, философы права Б. Н. Чичерин и В. С. Соловьев. В этом течении мысли различаются два направления — метафизический, мистический идеализм и научно-философский идеализм. Последний основывается на признании самостоятельности этической проблемы, «то есть самостоятельности требований справедливости, самостоятельности этического должнования и социального идеала» [Кистяковский, 1998: 117] и активно отстаивался Новгородцевым, который стремился в своем учении связать категорию должнования с условиями социального бытия, но не с позиции общественного/коллективного (за что он критиковал труды Иеринга, который писал о морали с позиции общезначимости), а выдвигая на первый план именно личностное. Поскольку, отвечая на вопрос, что первичнее, Новгородцев бесспорно отдавал лидирующую роль личности. Как писал Б. А. Кистяковский, то, что мы

вносим, то, что мы предлагаем, — это вечные основы морального сознания и прежде всего — принцип личности и ее безусловного значения.

Личность оказывается для Новгородцева онтологическим центром, пучком световых лучей, с помощью которых только и можно высветить проблемы бытия и познания. При этом же выдвигаемые им требования морали, хоть и являются путеводной звездой в бесконечном процессе развития и приближения к идеалу, все же они никогда не могут быть полностью осуществлены в реальном мире.

Если внимательно проанализировать все работы Новгородцева, то можно отметить, что как по содержанию учения, так и по способу восприятия материала он предстает явным идеалистом, однако с важной оговоркой, не в догматическом понимании этого термина, а в том же духе, что были, например, просветители Франции XVIII века — О. Конт («идеи правят миром»), Э. Дюркгейм и Л. Дьюги (воспитание чувства обязанности в целях солидарности). Его «философия права» ориентирована на общественное сознание и развитие гражданского общества как неотъемлемого элемента в государственной системе, но при условии создания, сохранения, развития общественно-политических объективных условий бытия и проявления личности.

Новгородцев как основоположник в России школы возрожденного естественного права рассматривал вопросы соотношения науки и этики, права и морали, критикуя существовавшие на тот момент иные школы права на подобие психологической или позитивистской за их, с одной стороны, однобокость и узкий взгляд на фундаментальные вопросы, позволяющие прийти к выводу о наилучшем устройении как государства, так и общества, с другой стороны, за то, что под маской «строгой научности» они маскировали свое религиозное верование в достижение земного рая (что в корне неправильно, по мнению Новгородцева, в чем мы удостоверимся позже).

Особое внимание Новгородцев уделяет претензии марксизма на строгую научность. Маркс и Энгельс утверждали, что их социализм вытекает не из идей, а из объективных законов истории. Новгородцев показывает, что это смешение этики и науки является ахиллесовой пятой марксизма. Марксистская теория исторического развития, по мнению Новгородцева, есть не что иное, как замаскированная теория прогресса, проникнутая рационалистическим оптимизмом и верой в добрый конец истории [Новгородцев, 1991: 240—250]. Представление о том, что производительные силы с «железной необходимостью» ведут к социализму, а человеческая воля есть лишь «сознанная необходимость», не выдерживает критики.

Новгородцев же, рассматривая вопрос соотношения науки и этики, приходит к выводу, что это две самостоятельные и различные области, но при этом в их различии не исключается их взаимодействие, заключающееся в преследовании одной цели — область общественного и область поиска идеалов, что легло в основу его известного труда «Об общественном идеале». По мнению Новгородцева, наука и этика приходят на помощь друг другу, что можно вывести из тезиса о том, что область этики восполняет область опыта, равно как и принцип этического индивидуализма (в области должного) восполняется понятием общественного развития (в области сущего). Следовательно, продвигая свои теории, как подчеркивал Павел Иванович, нельзя исключать этический элемент, который так или иначе присущ всем политико-правовым явлениям.

Стремясь четко разграничить науку и этику, Новгородцев создает естественно-правовую теорию, для которой характерным является особое внимание к личности и ее правам. Согласно его взглядам, право, с одной стороны, представляется как идея (область нравственных постулатов), с другой стороны, как область конкретных прав и обязанностей гражданина и государства (позитивизм и полемика с Петражицким). Это различие содержания права приводит к представлению о естественном, высшем, надклассовом характере права как регулятивном постулате и призвано преодолеть дуализм классической школы естественного права, противопоставлявшей естественное право праву положительному.

Стоит отметить, что Новгородцев в своих трудах никогда не смешивал эти понятия и не рассматривал их как «часть и целое». Подобно соотношению науки и этики, русский правовед сравнивал право и мораль как две самостоятельные и взаимодополняющие/взаимовлияющие компоненты, находящие практическое выражение, в первую очередь, в правосознании отдельных индивидов, в их духовной сущности.

Далее Новгородцев говорит о некотором сходстве нравственного и правового законов, которые с позиции идеализма направлены на создание твердой почвы для регулирования общественных отношений, чего требовала эпоха, поскольку мы знаем, что классическое естественное право, устремленное лишь в сферу должного и определяемое как совокупность идеальных норм, присущих человеческому сознанию, абсолютная, вечная и неизменная, постепенно утратила былую легитимность, и на смену ей пришло возрожденное естественное право с изменяющимся содержанием, которое подчеркивает временный и изменчивый характер как сознания человека, так и правопорядка, установленного положительным правом. В отличие от классического этапа, возрожденное естественное право уже не стремится создать некую систему норм, к которым бы должно было приблизиться положительное право, а пытается на основе законов должностования отыскать абсолютные начала, применимые при решении насущных проблем и задач, продиктованные праву условиями времени и страны.

К абсолютным началам Новгородцев относил идею единства и солидарности, которую он воспринял из работ Огюста Конта и Леона Дюги. Это не есть закон, принудительно господствующий над личностью, а только известное «стремление», «тенденция», это есть принцип всеобщего объединения на началах равенства и свободы [Новгородцев, 1902: 273]. «Безусловный принцип личности, — пишет П. И. Новгородцев, — с необходимостью приводит к идее солидарности» [Новгородцев, 1991: 111]. При этом, как мы уже несколько раз убедились ранее, общество для русского правоведа не является самостоятельной субстанцией и уж тем более высшей целью личности, и потому может быть определено как живое единство, в котором личность выходит за пределы субъективного и благодаря этому приобретает особую ценность [там же: 103]. Крайне интересной в контексте его учения о личности, демократии и правовом государстве является идея солидарности, которая основана на базе общего нравственного стремления и органической связи уникальных индивидуальностей в свете нравственного закона, где общее нравственное стремление определяется не количеством лиц, входящим в этот общественный союз, а их качеством. Кроме того, Новгородцев критиковал сторонников тех учений, которые меняли местами общество и личность, делая «коллективное» первостепеннее «индивидуального». Так, например, он пишет,

что «те, кто, в противоположность этому, придает первенствующее значение принципу общественному и из него выводит все задачи личности, нет иного выхода как признать за обществом черты самостоятельной нравственной субстанции или же, по крайней мере, приписать обществу первичный и безусловный характер, независимый от отдельных лиц и господствующий над ними с силой высшей нормы» [там же: 105]. Однако такой вывод на почве позитивистской теории и первостепенном значении «коллективного» абсолютно незаконный, поскольку, во-первых, из факта солидарности вытекают этические ценности и представления об идеале и долге, во-вторых, «...это значит подчинять ему личность в качестве орудия или средства и создавать фикцию общественного организма, имеющего самостоятельное нравственное бытие» [там же].

Более подробную критику подавления личности Новгородцев высказывает в адрес социализма, в частности, в адрес учения Маркса, говоря, что абсолютный коллективизм требует от личности полного слияния с обществом, что неизбежно ведет к подавлению ее индивидуальности, свободы самоопределения и творчества. Здесь Новгородцев ставит вопрос так: «Какое общество, хотя бы и самое совершенное, заменит человеку величайшее духовное благо — быть самим собою?» [там же: 150].

Отвергая трансцендентное начало, абсолютный коллективизм пытается ответить на религиозную потребность человека в восполнении его ограниченности, но оказывается неспособен это сделать. Общество, состоящее из таких же ограниченных существ, не может обладать безусловной силой. Это логическое противоречие делает систему шаткой и уязвимой. Таким образом, приходим к выводу, что Новгородцев видел невозможность достижения полного равновесия личного и общественного, посему само правовое государство есть не что иное, как «корпоративное единство всего народа» [Новгородцев, 1904: 543], а его задачей является по возможности максимально сократить дистанцию между общественными и частными интересами в лице созидательного единства во имя подлинных интересов человека, общества, государства.

Сократить такую дистанцию, по мнению Новгородцева, можно, только придерживаясь двух основных принципов, составляющих основу жизни личности и гражданского общества, — принципа свободы и принципа равенства. Тут стоит сделать важную оговорку, чтобы правильно истолковать позицию Новгородцева следует придерживаться принципа формального равенства в виде равных предоставленных возможностей, а не равенства фактического.

Раскрывая понятия «равенство» и «свобода», Новгородцев использует для этого учения Канта и Гегеля, которые он активно исследовал в период подготовки докторской диссертации. Трактую учение Канта, Новгородцев говорит о том, что для него свобода и равенство есть две стороны одной медали: свобода являлась основанием, равенство — необходимым условием закономерности воли. «Кант определял свободу как независимость от чужой воли, поскольку она совместима со свободой каждого другого; равенство же он понимал как право не обязываться относительно других к большему сравнительно с тем, к чему их можно обязать взаимно» [Новгородцев, 1996: 67]. Следовательно, Новгородцев как бы продолжает мысль Канта и говорит, что в соответствии с предыдущим положением естественно предположить, что единственное приращенное право есть свобода, а все остальное вытекает из него.

Однако, исследуя учения не только Канта, но и Гегеля, Новгородцев также говорит и о том, что свобода состоит не только в одной бесконечной возможности выбора и в отсутствии ограничения, но и в свободном выборе какого-либо определенного решения, которое вместе с тем есть и ограничение воли, прекращающее дальнейшее ее проявление, но ограничение, вытекающее из ее свободного выбора. Таким образом, завершает Новгородцев мысль Гегеля о том, что существу свободной воли нисколько не противоречит ее самоограничение. «Свобода истинная и положительная всегда носит в самой себе свою границу, свой разумный предел, который превращает ее в право. И, напротив, свобода, не знающая такого предела, утрачивает свой правовой смысл...» [Новгородцев, 1917: 24—25].

Следовательно, этический компонент в правовых началах Новгородцев просматривает через субъективную этику Канта и объективную этику Гегеля, которые возможно соединить лишь после тщательной критической доработки, поскольку каждая из этих доктрин не лишена своих несовершенств [Бажов, 2014: 159]. Ограничение свободы и связь с правовыми началами также можно вывести из идеи самозаконности и нравственного долженствования, причем последнее служит лишь оценкой действительности, так как сама по себе нравственность есть лишь идеал, далекий от реального опыта.

Подводя итог, отметим, что нравственные начала яркой нитью прослеживаются во всех работах русского правоведа и сплетают воедино все политико-правовые вопросы, выставляя на первый план личность как онтологический центр, позволяя сформировать теорию возрожденного естественного права.

Данной работой хотелось показать неоценимый вклад Павла Ивановича не только в русскую философию права, но и в целом в философию права, поскольку он смог детально разобрать такие важнейшие категории, как личность, право и мораль, государство, демократия и многие другие, которые в силу установленного регламента не могут быть рассмотрены и будут положены в основу следующей научно-исследовательской работы.

Новгородцев одновременно со Штаммлером и независимо от него, где-то разделяя его взгляды, где-то критикуя их, начал внедрять критическую философию права. Его работы «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба» (1896) и «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» (1901), как и статья «Нравственный идеализм в философии права» (1902) свидетельствовали о начале нового этапа критицизма в России. В своих наиболее оригинальных трудах — «Кризис современного правосознания» (1909) и «Об общественном идеале» (1917; 1921 (3-е издание), Берлин) — Новгородцев, исходя из того, что социальное бесконечно, дает интересную критику утопического «финитизма» в либеральной, социалистической и синдикалистской идеологии и развивает особую солидаристскую идеологию, базирующуюся на прочном философском фундаменте. Причем критика строится не просто на пересказе учений и их негативной оценке, а основана на почве науки, исходя из объективного анализа и обращения к фактам, что также демонстрирует его профессионализм не только как философа права, но и как историка политических и правовых учений, для которого крайне важно не отрицать существующие иные теории, а анализировать их и показывать несовершенства, чтобы подготовить базу для новых доктрин, отвечающих требованиям современности, с чем великолепно справился Новгородцев, критикуя социализм и анархизм.

В последние годы жизни он, как и многие другие русские философы, вступил на путь религиозной философии, при этом не отрекаясь от политико-правовых проблем и не уходя исключительно в мистицизм и идеализм. В одной из своих работ П. И. Новгородцев писал, что «свобода в государстве утверждается на почве законного порядка, охраняемого властью. Дело не в том, чтобы власть была устроена непременно на каких-то самых передовых началах, а в том, чтобы эта власть взирала на свою задачу как на дело Божие и чтобы народ принимал ее как благословенную Богом на подвиг государственного служения. Необходимо, чтобы замолкли инстинкты революционных домогательств и проснулся дух жертвенной готовности служить общему и целому» [Новгородцев, 1991: 580]. Это делало его теорию особенно привлекательной для сторонников иных правовых направлений, в том числе евразийцев, и еще раз доказывает, что она заслуживает пристального внимания и глубокого изучения, так как в ней кроются актуальнейшие во все времена проблемы отношений личность — государство.

Библиографический список / References

- Бажов С. И. Этическая проблематика в философском творчестве П. И. Новгородцева // История философии. 2014. № 18. С. 149—165.
(Bazhov S. I. Ethical issues in the philosophical work of P. I. Novgorodtsev, *History of Philosophy*, 2014, no. 18, pp. 149—165. — In Russ.)
- Ильин И. А. Памяти П. И. Новгородцева // Русская мысль. Прага, 1923/1924. Кн. IX—XII. С. 370—371.
(Ilyin I. A. In memory of P. I. Novgorodtsev, *Russian Thought = Russkaya mysl'*, Prague, 1923/1924, books IX—XII, pp. 370—371. — In Russ.)
- Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: очерк по методологии социальных наук и общей теории права // Философия и социология права / сост. Ю. Н. Давыдов и В. В. Сапов. СПб.: РХГИ, 1998. 798 с.
(Kistyakovsky B. A. Social sciences and law: an essay on the methodology of the social sciences and the general theory of law, in Davydov Yu. N., Sapov V. V. (eds.) *Philosophy and Sociology of Law*, St. Petersburg, 1998, 798 p. — In Russ.)
- Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма: сборник статей. М.: Московское психологическое общество, 1902. С. 236—296.
(Novgorodtsev P. I. Moral idealism in the philosophy of law, in *Problems of Idealism: a collection of articles*, Moscow, 1902, pp. 236—296. — In Russ.)
- Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. V. С. 507—538.
(Novgorodtsev P. I. State and law, *Questions of Philosophy and Psychology = Voprosy filosofii i psikhologii*, 1904, book V, pp. 507—538. — In Russ.)
- Новгородцев П. И. Правовые устои новой жизни // Русская свобода. 1917. № 14—15. С. 24—25.
(Novgorodtsev P. I. Legal foundations of the new life, *Russian Freedom = Russkaya svoboda*, 1917, no. 14—15, pp. 24—25. — In Russ.)
- Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.
(Novgorodtsev P. I. *On the Social Ideal*, Moscow, 1991, 640 p. — In Russ.)

Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. 269 с.

(Novgorodtsev P. I. *Introduction to the philosophy of law. The crisis of modern legal consciousness*, Moscow, 1996, 269 p. — In Russ.)

Флоровский Г. В. Памяти П. И. Новгородцева // Россия и славянство. 1929. 27 апреля (№ 22).

(Florovsky G. V. In memory of P. I. Novgorodtsev, *Russia and Slavdom = Rossiya i slavyanstvo*, 1929, april 27 (no. 22). — In Russ.)

Флоровский Г. В. Письмо к Ю. Иваску от 24 февраля 1972 года // Вестник Русского христианского движения. 1979. № 130. С. 52.

(Florovsky G. V. Letter to Yu. Ivask dated February 24, 1972, *Bulletin of the Russian Christian Movement*, 1979, no. 130, p. 52. — In Russ.)

Фролова Е. А. Моральная философия права П. И. Новгородцева. М.: Проспект, 2023. 160 с.

(Frolova E. A. *The Moral Philosophy of Law of P. I. Novgorodtsev*, Moscow, 2023, 160 p. — In Russ.)

Gurwitsch G. Die Zwei Grössten Russischen Rechtsphilosophen: Boris Tchitcherin und Wladimir Solowiew, *Philosophie und Recht*, 1922—1923, Bd. 2, Heft 2, S. 80—102.

Статья поступила в редакцию 07.04.2026; одобрена после рецензирования 30.06.2026; принята к публикации 28.08.2026.

The article was submitted 07.04.2026; approved after reviewing 30.06.2026; accepted for publication 28.08.2026.

Информация об авторе / Information about the author*

Черепнина Елизавета Юрьевна — студентка 1 курса магистратуры юридического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, liza.cherepnina.03@bk.ru

Cherepnina Elizaveta Yurievna — 1st year master's student, Faculty of Law, Moscow State University, Moscow, Russia, liza.cherepnina.03@bk.ru

* Научный руководитель — заведующий кафедрой теории государства и права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Фролова Елизавета Александровна.

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК 165:004.8

DOI: 10.46724/NOOS.2026.3.44-53

П. А. Сторожева

ЭКОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО ПОЗНАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ОДНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСТАНТЫ

Аннотация. Статья посвящена концептуализации понятия «экология цифрового познания» как исследовательской рамки, позволяющей анализировать трансформацию субъекта познания в условиях алгоритмически опосредованной среды. На материале античной, средневековой, новоевропейской и современной философии прослеживается становление проблемы соотношения разума и техники — от платоновского мифа о письменности до концепции когнитивных сборок Н. К. Хейлз. В работе обосновывается тезис, что вопрос о природе и границах искусственного интеллекта не является техническим, а представляет собой «антропологическую константу», связанную с сохранением субъектности, памяти и ответственности в условиях распределенного познания. Предлагаемый подход позволяет переформулировать проблему ответственности за решения, принимаемые в гибридных системах «человек — алгоритм»: из плоскости «кто виноват?» — в плоскость «как мы хотим жить с тем, что мы создали?». Статья носит обзорно-постановочный характер и открывает перспективу для дальнейших исследований в области философии сознания и искусственного интеллекта, эпистемологии и цифровой этики.

Ключевые слова: экология цифрового познания, когнитивные сборки, антропологическая константа, субъектность, ответственность, искусственный интеллект.

Ссылка для цитирования: Сторожева П. А. Экология цифрового познания: историческая археология одной антропологической константы // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 44—53.

Original article

P. A. Storozheva

ECOLOGY OF DIGITAL COGNITION: THE HISTORICAL ARCHAEOLOGY OF ONE ANTHROPOLOGICAL CONSTANT

Abstract. The article is devoted to the conceptualization of the concept of “ecology of digital cognition” as a research framework that allows analyzing the transformation of the subject of cognition in an algorithmically mediated environment. Based on the material of ancient, medieval, New European and modern philosophy, the formation of the problem of the relationship between reason and technology is traced — from the Platonic myth of writing to the concept of cognitive assemblies by N. K. Hales. The paper substantiates the thesis that the question

of the nature and boundaries of artificial intelligence is not a technical one, but an “anthropological constant” related to the preservation of subjectivity, memory, and responsibility in distributed cognition. The proposed approach allows us to reformulate the problem of responsibility for decisions made in hybrid human—algorithm systems: from the plane of “Who is to blame?” to the plane of “How we want to live with what we have created?”. The article is of a review and staging nature and opens up the prospect for further research in the field of philosophy of artificial intelligence, epistemology and digital ethics.

Keywords: ecology of digital cognition, cognitive assemblies, anthropological constant, subjectivity, responsibility, artificial intelligence.

Citation Link: Storozheva P. A. (2026) Ecology of digital cognition: the historical archaeology of one anthropological constant, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 44—53.

Пролог. Экология цифрового познания [Петрова, 2019; Лугуценко, Бережная, Попов, 2025] не начинается в XX веке с кибернетикой или в XXI с большими языковыми моделями. Ее проблематика — о границах разума, о внешних носителях знания, о подражании живому — артикулируется уже в античной философии. Проблема соотношения мыслящего существа и созданного им орудия — своеобразная антропологическая «константа»¹, которая лежит у истоков европейской философии.

Нус, техне, «внешняя память» и «автоматические служанки». В античной философии еще не ставится вопрос об искусственном интеллекте в его современной интерпретации, но уже имеют место три фундаментальные концепции, которые будут питать дискуссии на протяжении двух с половиной тысяч лет.

Нус (nous) как космический разум (Анаксагор, Аристотель). «Разум же, поскольку он мыслит все, так относится к мыслящему, как некоторая способность к материи, и поэтому он не смешан с телом; ибо если бы он был смешан с телом, он был бы некоторым качеством (например, теплотой или холодом) ... он не имеет другой природы, кроме этой, что он есть возможность, но он не есть сущность, и он не есть акт, пока он мыслит» [Аристотель, 1976: 435—436]. Так Аристотель проводит различие между разумом как способностью тела и разумом как безличным, божественным началом. Это открывает пространство для мысли о том, что «интеллект» может существовать вне индивидуальной черепной коробки, а значит, мысль о «внешнем» или «распределенном» познании имеет онтологическую основу еще в античной метафизике.

Техне как подражание природе (Платон, Аристотель). В греческой мысли техне (ремесло, искусство, мастерство) понималось не как «творчество из ничего», а как подражание (мимесис) природе. Аристотель прямо пишет, что «искусство подражает природе» [Аристотель, 1981: 86]: техника — это не создание новой реальности, а помощь природе в достижении ее целей. В античной парадигме автоматон (механическая игрушка) воспринимался не как «новый интеллект», а как отражение природного порядка, имитация живого, что принципиально отличает Античность от Нового времени, где техника начинает

¹ Здесь мы предлагаем понимать под антропологической константой не конкретное убеждение, а устойчивую структуру человеческого опыта, которая воспроизводится в разных культурах и эпохах, хотя и может наполняться там разным содержанием.

мыслиться как конструирование новой реальности, независимой от природных форм.

Письменность как «внешняя память» (Платон). Платон упоминает миф о египетском боге Тоте, который предложил царю Тамусу изобретение письменности как средство «для памяти и мудрости». «В души научившихся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою» [Платон, 1989: 65]. Платон артикулирует здесь ту же экзистенциальную тревогу, которую мы сегодня испытываем перед ИИ. Внешний носитель знания (тогда — письменность, сегодня — нейросеть) воспринимается как угроза живой памяти и внутреннего логоса. При этом Платон не запрещает письменность, он призывает не подменять ею собственное мышление. Этот сюжет можно трактовать как древнейшую формулировку экологии познания: не отказ от инструмента, а сохранение субъектности при его использовании.

Миф о Гепесте и автоматические служанки (Гомер). Гомер повествует о Гепесте, хромом боге-кузнеце, что создает золотых служанок, которые двигаются, мыслят и говорят: «...прислужницы, под руки взявши владыку, Шли золотые, живым подобные девам прекрасным, Кои исполнены разумом, силу имеют и голос» [Гомер, 2008: 269]. Возникает образ автомата², наделенного разумом и речью: это не робот, произведение божественного мастерства, которое служит человеку, но остается частью мира богов, а не автономным агентом. При этом «архетипическая мечта» о механическом слуге всегда уравнивается страхом, что слуга может перестать быть только слугой.

В споре Платона с Архитом³ обнаруживается экзистенциальный страх, который мы сегодня проецируем на ИИ. Архит создал автоматон, который имитирует живое. Платон увидел в этом угрозу не самому механизму, а способу познания: если мы начинаем решать задачи «руками», а не «умом», мы теряем связь с истиной. Архит, с другой стороны, был практиком. Его голубь — это не замена мысли, а доказательство мысли, ее материализованный след.

Эта дилемма — чистое познание vs. инструментальное познание — проходит через всю западную философию и сегодня обретает новый смысл в вопросе о том, «заменяет» ли ИИ мышление или только имитирует его. В отличие от многих современных разработчиков ИИ, Архит был не «технарем ради техники», а стратегом (военачальником) и политиком. Он использовал механику в том числе для военных целей, но его деятельность не была изолирована от этических и политических контекстов. Сегодня ИИ-корпорации часто действуют наоборот — разрабатывают инструмент «в вакууме», а этику «додумывают» постфактум.

² Первые автоматы появились как раз в Античности. По свидетельству римского писателя Авла Геллия (II в. н. э.), Архит сконструировал деревянную модель голубя, которая могла летать. Вот как это описывается: «Архит Тарентский изготовил деревянного голубя с таким механическим искусством и мастерством, что он летал; он был так искусно уравновешен с помощью грузиков и приводился в движение струей воздуха, скрытой и заключенной внутри него» [Авл Геллий, 2007: 407].

³ Платон критиковал Архита и его коллегу Евдокса за то, что они использовали механические инструменты для решения геометрических задач, ибо считал, что это лишает геометрию чистоты и низводит с уровня «бестелесного» знания до уровня ремесла, заставляя ее «подобно рабыне» спускаться от нематериального к физическому.

Очевидно, что экология цифрового познания предполагает своеобразный возврат к античной традиции в разрешении указанной дилеммы.

Механические часы как автоматон нового порядка. В Средние века происходит своеобразный «тектонический сдвиг»: если Античность жила в мире космоса (природного порядка, которому техника лишь подражает), то Средневековье живет в мире (и акте) творения. Техника становится не «подражанием природе», а «подражанием Творцу». Механика теперь священна, потому что она отражает божественный замысел. Но именно эта сакрализация порождает и новый страх: а не является ли создание «мыслящей машины» богохульством?

В рамках Средневековья идея автоматона «переезжает» из языческих храмов в христианские соборы и королевские дворцы. Так, автоматон становится не развлечением, а теологическим артефактом. Он служит не только восхищению, но и напоминанию о Божественном порядке. В этом смысле он глубоко экологичен: он встроен в релевантную картину мира и не пытается ее оспорить. Вопрос «Может ли машина мыслить?» получает отрицательный ответ, но не потому, что машина недостаточно сложна, а потому что мышление — это акт души, а душа не создается человеком. Эта позиция делает средневековую мысль экологичной: она сохраняет границу между созданным и сотворенным, между инструментом и субъектом.

В Средние века появляется новый тип автоматона — механические часы. К XIV веку они становятся не только способом измерения времени, но и моделью всего мироздания. В механических часах человек впервые столкнулся с алгоритмом, который существовал (почти) без субъектного вмешательства. Часы шли сами, независимо от воли человека. Именно здесь рождается протоидея автоматического познания: если время можно измерить без участия человека, то, вероятно, и истину можно вычислить. Так появляется предчувствие того, что Декарт, а затем Лейбниц, сделают своей главной темой: мир познаваем через порядок и число.

От механистического мира к «миру-организму». В XVIII—XIX веках происходит очередной фундаментальный сдвиг: доминирующей метафорой становится организм. Часы — это механизм, который можно разобрать на детали и понять, как он работает. Организм — это живое целое, которое не сводится к сумме частей, растет, развивается, взаимодействует со средой. Этот сдвиг связан с успехами биологии и с романтической натурфилософией. Мир больше не «заведен» раз и навсегда — он эволюционирует. Если мир — не часовой механизм, а живое существо, то и познание мира должно стать не вычислением, а взаимодействием со средой.

Именно в этом контексте — когда мир перестает быть безмолвным механизмом и становится сложной средой обитания — появляется сам термин «экология». Эрнст Геккель определяет ее как «общую науку об отношениях организма к окружающей его внешней среде»⁴. Он еще не говорит о цифровой среде — она не существует. Но его логика работает как концептуальный мост:

⁴ В 1866 году Эрнст Геккель опубликовал свой фундаментальный двухтомный труд «Всеобщая морфология организмов». Это существенный момент, ибо эта дата почти совпадает с первыми проектами вычислительных машин (Чарльза Бэббиджа и Ады Ловлейс). Получается, что «интеллектология» и экология рождаются как понятия почти одновременно.

если организм всегда уже погружен в среду и определяется ею, то и познание не может быть «чистым». Оно всегда укоренено в материальных условиях — книгах, архивах, инструментах, а позднее — в цифровых сетях.

В XIX веке биология, философия и политическая экономия сходятся в одном: человек — не надприродное существо, а часть сложной экосистемы, которую он сам преобразует. Маркс пишет об отчуждении труда, Дарвин — об эволюции видов, Ницше — о перспективном характере всякой истины. Все они с разных сторон подготавливают тот сдвиг, который мы сегодня называем экологизацией сознания и познания [Смирнов, 2015]. И когда в середине XX века кибернетика — и чуть позже когнитивные науки — начнут говорить о распределенном познании, они будут опираться на этот фундамент: мышление не изолировано, оно всегда включено в среду — сначала естественную, затем техническую, а теперь и цифровую.

От экологии разума к экологии цифрового познания. Ключевой сдвиг совершает Грегори Бейтсон⁵. Он вводит понятие «экологии разума», где мышление трактуется не как внутреннее свойство индивида, а как процесс, циркулирующий между организмом и средой. Информация, по Бейтсону, — это «разница, которая производит различие», то есть познание всегда есть акт различения в системе обратных связей [Бейтсон, 2005]. Это был первый шаг к тому, чтобы применить экологическую метафору не к природе, а к самому мышлению. Бейтсон критиковал технократическую рациональность за то, что она стремится установить тотальную власть над системой, частью которой является сам человек, и предупреждал о риске «тотального подчинения мощным инструментальным алгоритмам».

Во многом продолжая линию бейтсоновских размышлений, антрополог и когнитивист Эдвин Хатчинс вводит понятие распределенного познания [Hutchins, 1995]. Анализируя навигацию на военном корабле, он показывает, что мышление не заперто в голове человека — оно распределено между картами, приборами, командами и средой. Это был эмпирический поворот: экология познания перестает быть метафорой и становится объектом полевого исследования.

Кэтрин Хейлз [Hayles, 2017] — современный теоретик литературы и медиа — не только формулирует дефиницию для экологического познания — это не атрибут, а «динамическое развертывание в среде, в котором его деятельность производит различие», но и вводит два понятия, которые напрямую соотносятся с темой исследования [Хейлз, 2025].

Первое — **не-сознательное познание (*non-conscious cognition*)** — это алгоритмы, глубокое обучение. Рекомендательные системы совершают когнитивные акты: они идентифицируют, интерпретируют и репрезентируют различия, но делают это на микро-темпоральных масштабах, недоступных человеческому сознанию. Это означает, что познание не требует сознания. ИИ — это «не-сознательный когнитор».

Второе — **когнитивные сборки (*cognitive assemblages*)** — это гибридные системы, где человеческое сознание и не-сознательные алгоритмы образуют

⁵ Программная работа Г. Бейтсона выходит в 1972 году [Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1972]. Вместе с тем в отечественной традиции проблематика экологии сознания рассматривается примерно в то же время в рамках ноосферного тезауруса [Антонов Н. П., Барякин, 1978].

единую цепочку обработки информации. Именно когнитивные сборки выполняют функции познания: адаптируются к новым ситуациям, вырабатывают стратегии, эволюционируют через опыт. При этом они не являются сетями — это более гибкие, динамические образования, где элементы могут входить и выходить.

Экология цифрового познания: категориальное пространство. Вслед за апологетами когнитивно-экологического подхода⁶ содержание этого понятия можно раскрыть следующим образом: это *междисциплинарное исследовательское направление, которое рассматривает познание в цифровую эпоху как распределенный экологический процесс «вычисления»*, разворачивающийся в когнитивных сборках (*cognitive assemblages*) — гибридных системах, объединяющих сознательных (человеческих) и не-сознательных (технических) когниторов, и изучает условия *сохранения субъектности, ответственности и живой памяти в алгоритмически опосредованной среде*.

«Цифровая экосистема» как совокупность цифровых артефактов, пользователей и социально-экономических факторов предполагает ряд значимых характеристик: принцип встроенности (*part-of-ness*), предполагающий, что «явления» всегда часть более крупной экосистемы; системная мудрость, фиксирующая, что у экосистем есть пределы, которые нужно уважать; информационная экологичность, утверждающая, что экосистемы — это не механические, а «одушевленные» (информированные) системы.

«Экология цифровой среды» становится новым методологическим принципом, позволяющим анализировать воздействие цифровых технологий на мозг, сознание и природу человека в целом [Петрова, 2022: 99], который опирается на экологический подход к зрительному восприятию Дж. Гибсона и концепцию умельта Я. фон Иксюля, показывая, что цифровая среда становится новым жизненным миром человека, в котором трансформируются фундаментальные параметры бытия — пространство, время, формы общения и типы самосознания [Петрова, 2020: 90]. Центральный вывод здесь: развитие «информационной экологии» как культуры взаимодействия с цифровой средой — это главное оружие в борьбе с информационно-экологическим кризисом и необходимая стратегия сохранения человеческого в человеке [там же: 97]⁷.

Ноосферный дискурс в рассмотрении проблематики экологии цифрового познания весьма сдержан, будучи пронизан представлением о ноосферной безопасности. А. В. Брагин подчеркивает, что природа ноосферных процессов не цифровая, а аналоговая, и что «цифра» не может быть целью, она лишь средство, и именно континуальная (а не дискретная, цифровая) сущность образовательного

⁶ «Когнитивно-экологический подход позволяет исследовать, как цифровая медиация человеческого опыта и не-материальность цифровых объектов формируют инновационные процессы. Познание здесь понимается как распределённый процесс вычисления, который разворачивается через когнитивные сборки, состоящие из сознательных и не-сознательных когниторов» [Beverungen, Lange, 2023: 15].

⁷ В отечественной литературе присутствует и критика метафорического использования экологической терминологии в цифровом контексте: перенос понятий «экосистема» и «популяция» в экономику и образование часто остается содержательно пустым [Розенберг Г, Костина, Кудинова, Розенберг А., 2023: 305]. Вместе с тем продуктивное применение экологического мышления к цифровой среде возможно, если оно опирается на философскую рефлексию, а не на поверхностную аналогию.

процесса обеспечивает его ноосферную форму [Брагин, 2022: 144]. В противном случае возникает ситуация во многом деструктивной «цифровой когнитивной аберрации» [Смирнов, Ветчинин, 2024]. В этом смысле цифровая среда не должна замещать аналоговую, живую природу сознания, а должна быть встроена в ноосферную стратегию развития, ориентированную на гармонизацию системы «Человек — Общество — Природа» [Smirnov G., Smirnov D., 2019].

Проблематизация. Сказанное задает определенную концептуальную оптику, в которой проблема цифрового познания видится не как техническая, а как антропологическая. Если познание всегда распределено и всегда укоренено в среде, то ключевой вопрос строится так: «Как человек сохраняет себя в процессах, где наше сознание — лишь один из когниторов?». Этот вопрос распадается на три конкретных вызова.

Во-первых, **память.** Если цифровая среда становится внешним архивом, то что происходит с живой памятью? *Тотальная память облачных хранилищ угрожает не забыванием, а невозможностью забыть — и это меняет саму структуру личности.*

Во-вторых, **субъектность и ответственность.** Если решение принимается в когнитивной сборке, где алгоритм предлагает вариант, а человек его утверждает, то классический вопрос «Кто виноват?» заменяется на вопрос *«Как выстроить прозрачность гибридного акта и сохранить пространство для рефлексивной остановки?»*.

В-третьих, **антропоморфизм.** Человек ошибочно склонен наделять душой артефакты собственной деятельности. *Эта ошибка является экзистенциальной константой, которую нужно осознать и встроить в практику экологии цифрового познания.*

Таким образом, мы очерчиваем философскую рамку, в которой эти вызовы могут быть поставлены осмыслены. ИИ — не враг. Он — инструмент. Вопрос всегда в том, кто и с какой интенцией его использует. Инструмент не отвечает за решение, он исполняет волю — но только до тех пор, пока мы помним, что решение остается за человеком. Однако именно здесь возникает главная опасность, которая не имеет аналогов в истории техники. ИИ — первый инструмент, который не просто выполняет команды, а участвует в формировании самих вопросов, которые мы ему задаем. Он подсказывает, предвосхищает, структурирует выбор, создает иллюзию объективности. И в этом смысле он может незаметно подменять мышление — не потому, что он «умнее», а потому, что он быстрее и удобнее, а живое существо, как известно из законов термодинамики и повседневного опыта, стремится к экономии энергии. Нам проще довериться вычислению, чем рефлексировать. Нам выгоднее заменить штат сотрудников алгоритмом, чем сохранять человеческий труд. Но эта выгода — краткосрочная. В долгосрочной перспективе мы рискуем утратить не просто рабочие места, а саму способность к самостоятельному суждению, к живому контакту с реальностью.

Регулирование ИИ — это не вопрос «прав роботов». Это вопрос защиты человека от него самого, от его склонности делегировать мышление туда, куда оно не может быть делегировано без потери субъектности. Юридический контроль нужен не потому, что ИИ «живой» или «опасный», а потому, что инструмент такой мощи не может быть оставлен без правил использования.

Проведенный анализ показал, что понятие «экология цифрового познания» не является метафорой, заимствованной из биологии, или техническим термином. Оно вырастает из длительной философской традиции — от античного различения разума и техники, через средневековую иерархию созданного и сотворенного, до кибернетики и когнитивных наук XX—XXI веков. Мы проследили, как представление о познании последовательно смещалось: от автономного акта индивидуального ума к распределенному процессу, развернутому в гибридных сборках «человек — алгоритм».

Оригинальность предложенного подхода состоит не в том, чтобы дать окончательный ответ на вопрос о правах ИИ или пределах вычисления, а в том, чтобы переопределить сам вопрос. Проблема цифрового познания лежит не в плоскости «Кто виноват?» или «Обладает ли ИИ сознанием?», а в плоскости антропологической ответственности: как мы хотим жить с тем, что мы создали, и как сохранить пространство для человеческого суждения в условиях тотальной вычислимости?

Эпилог. Таким образом, экология цифрового познания предстает как эпистемологический императив — призыв к рефлексивной остановке перед лицом алгоритмической автоматизации. Но уже сейчас ясно: главный вызов цифровой эпохи — не в том, чтобы научить ИИ быть «как человек», а в том, чтобы человек не перестал быть самим собой в стремлении делегировать мышление.

Библиографический список / References

Sources

Авл Геллий. Аттические ночи / пер. А. Я. Тыжова. СПб.: Гуманитарная академия, 2007. 478 с.

(Aulus Gellius. *Attic Nights*, St. Petersburg, 2007, 478 p. — In Russ.)

Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. С. 371—478.

(Aristotle. On the soul, in Aristotle. *Works*: In 4 vols, vol. 1, Moscow, 1976, pp. 371—478. — In Russ.)

Аристотель. Физика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 59—262.

(Aristotle. Physics, in Aristotle. *Works*: In 4 vols, vol. 3, Moscow, 1981, pp. 59—262. — In Russ.)

Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича. СПб.: Наука, 2008. 572 с.

(Homer. *Iliad*, St. Petersburg, 2008, 572 p. — In Russ.)

Платон. Федр / пер. А. Н. Егунова. М.: Прогресс, 1989. 132 с.

(Plato. *Phaedrus*, Moscow, 1989, 132 p. — In Russ.)

Research literature

Антонов Н. П., Барякин В. Н. О двух концепциях ноосферы // Философские науки. 1978. № 6. С. 103—108.

(Antonov N. P., Baryakin V. N. On two concepts of the noosphere, *Philosophical Sciences*, 1978, no. 6, pp. 103—108. — In Russ.)

- Брагин А. В. Университетское ноосферное образование: критерий антропологической соразмерности и гуманистические параметры // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 140—147.
(Bragin A. V. University noospheric education: criterion of anthropological proportionality and humanistic parameters, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022, no. 4, pp. 140—147. — In Russ.)
- Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по антропологии. М.: КомКнига, 2005. 248 с.
(Bateson G. *Steps to an Ecology of Mind: Selected Essays in Anthropology*, Moscow, 2005, 248 p. — In Russ.)
- Лугутченко Т. В. Бережная Н. В., Попов В. Б. Когнитивная экология трансконтинуумных культур в эпоху цифровизации // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 11 (161). URL: <https://research-journal.org/archive/11-161-2025-november/10.60797/IRJ.2025.161.62> (дата обращения: 28.09.2026). DOI: 10.60797/IRJ.2025.161.62.
(Lugutsenko T. V., Berezhnaya N. V., Popov V. B. Cognitive ecology of trans-continuum cultures in the era of digitalization, *International Research Journal*, 2025, no. 11 (161). — In Russ.)
- Петрова Е. В. Экология когнитивно-образовательного пространства цифровой эпохи // Развитие образования. 2019. № 3 (5). С. 28—32. DOI:10.31483/r-33283
(Petrova E. V. Ecology of the cognitive-educational space of the digital era, *Development of Education = Razvitiye obrazovaniya*, 2019, no. 3 (5), pp. 28—32. — In Russ.)
- Петрова Е. В. Информационная экология как «стратегия выживания» человека в цифровой среде // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 89—98.
(Petrova E. V. Information ecology as a human “survival strategy” in the digital environment, *Questions of Philosophy = Voprosy Filosofii*, 2020, no. 10, pp. 89—98. — In Russ.)
- Петрова Е. В. Экология цифровой среды как попытка ответа на цивилизационные вызовы цифровой эпохи // Вопросы философии. 2022. № 11. С. 99—109.
(Petrova E. V. Ecology of the digital environment as an attempt to respond to the civilizational challenges of the digital age, *Questions of Philosophy = Voprosy Filosofii*, 2022, no. 11, pp. 99—109. — In Russ.)
- (Petrova E. V. (2019). Ecology of the cognitive-educational space of the digital age, *Razvitiye obrazovaniya = Development of Education*, 2019, no. 3 (5), pp. 28—32. — In Russ.)
- Розенберг Г. С., Костина Н. В., Кудинова Г. Э., Розенберг А. Г. Экологическая цифровизация как задача инженерной экологии (обзор проблемы) // Успехи современной биологии. 2023. Т. 143, № 3. С. 300—312.
(Rozenberg G. S., Kostina N. V., Kudinova G. E., Rozenberg A. G. Environmental digitalization as a task of engineering ecology (a review of the problem), *Advances in Modern Biology*, 2023, vol. 143, no. 3, pp. 300—312. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.
(Smirnov G. S. *The Formation of the Noosphere: Philosophical and Methodological Problems of the Evolution of Consciousness*, Ivanovo, 2015, 504 p. — In Russ.)
- Смирнов Д. Г., Ветчинин Н. М. Цифровизация сознания: философские проблемы когнитивной аберрации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 168—175.

(Smirnov D. G., Vetchinin N. M. Digitalization of Consciousness: Philosophical Problems of Cognitive Aberration, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2024, no. 4, pp. 168—175. — In Russ.)

Хейлз Н. Кэтрин. Как мы стали постлюдьми. Виртуальные тела в кибернетике, литературе и информатике / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: V-A-C Press, Фонд V-A-C, 2025. 478 с.

(Hayles N. Katherine. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*, Moscow, 2025, 478 p. — In Russ.)

Beverungen A., Lange A. Theorizing innovation in a “digital first” world: steps towards a cognitive ecology of digital innovation management, *Academy of Management Annual Meeting Proceedings*, 2023, vol. 1, DOI: 10.5465/AMPROC.2023.12884abstract.

Hayles N. K. *Unthought: The Power of the Cognitive Nonconscious*, Chicago: University of Chicago Press, 2017.

Hutchins E. *Cognition in the Wild*, Cambridge, MA: MIT Press, 1995, 381 p.

Smirnov G., Smirnov D. Cephalization of the noosphere: socio-philosophical aspects, *Philosophy and Cosmology*, 2019, vol. 22, pp. 137—143.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 30.06.2026; принята к публикации 28.08.2026.

The article was submitted 01.06.2026; approved after reviewing 30.06.2026; accepted for publication 28.08.2026.

Информация об авторе / Information about the author*

Сторожева Полина Александровна — магистрант, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ptelvani@mail.ru

Storozheva Polina Alexandrovna — Master's student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ptelvani@mail.ru

* Научный руководитель — доцент кафедры философии Ивановского государственного университета Меликян Мерине Акоповна.

ДЕБЮТ

Научная статья

УДК 165.12

DOI: 10.46724/NOOS.2026.3.54-60

В. Е. Гоголева

«ЛЕНТА МЫШЛЕНИЯ» КАК ЛЕНТА МЁБИУСА: ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НЕЛИНЕЙНОГО ПОЗНАНИЯ

Аннотация. Статья предлагает использовать образ ленты Мёбиуса как простую модель для описания сложных процессов в гуманитарных науках и в философии сознания. Модель показывает, что обычная линейная логика и простые противоположности не помогают адекватно восстанавливать мыслительные процессы в условиях сильной неопределенности. На этой основе вводится понятие «лента мышления» как метафора циклической динамики смысла. Утверждается, что в петлевой структуре мышления результат рефлексии становится условием пересмотра исходных предпосылок, а граница между субъектом и культурой, внутренним и внешним приобретает характер взаимоперехода. В итоге лента Мёбиуса предстает не просто красивым образом, а рабочим инструментом для анализа того, как мы понимаем сложное.

Ключевые слова: лента Мёбиуса, мышление, субъектность, культура, петлевая динамика, взаимопереход.

Ссылка для цитирования: Гоголева В. Е. «Лента мышления» как лента Мёбиуса: топологическая модель нелинейного познания // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 54—60.

Original article

V. E. Gogoleva

“THE TAPE OF THINKING” AS A MÖBIUS TAPE: A TOPOLOGICAL MODEL OF NON-LINEAR COGNITION

Abstract. The article proposes the use of the image of the Möbius strip as a simple model for describing complex processes in the humanities and in the philosophy of consciousness. The model shows that conventional linear logic and simple opposites do not help to adequately reconstruct thought processes in conditions of strong uncertainty. On this basis, the concept of the “thinking strip” is introduced as a metaphor for the cyclical dynamics of meaning. It is argued that in the loop structure of thinking, the result of reflection becomes a condition for revising the initial premises, and the boundary between the subject and culture, and the internal and external, takes on the character of mutual transition. As a result, the Möbius strip is not just a beautiful image, but a working tool for analyzing how we understand the complex.

Keywords: Möbius strip, thinking, subjectivity, culture, loop dynamics, and intertransition.

Citation Link: Gogoleva V. E. (2026) “The tape of thinking” as a Möbius tape: a topological model of non-linear cognition, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 54—60.

Введение. В современной гуманитарной мысли все чаще возникает потребность в моделях, способных описывать нелинейные процессы. Мы привыкли представлять мышление как движение по прямой — от вопроса к ответу, от причины к следствию. Однако реальная работа мысли часто выглядит иначе. Мы возвращаемся к уже пройденному, пересматриваем то, что казалось понятным, и нередко обнаруживаем связь между вещами, которые поначалу выглядели совершенно не связанными. В качестве инструмента, способного зафиксировать данные феномены, в исследовании предлагается образ ленты Мёбиуса — геометрической «фигуры», известной уже более полутора столетий, потенциал которой для гуманитарного знания весьма эвристичен.

Человек, размышляя над сложной задачей, редко движется прямолинейно и равномерно. Значительно чаще он возвращается к уже пройденному материалу, пересматривает то, что казалось понятным, обнаруживает неожиданные связи-анalogии между явлениями. Эта особенность реальной интеллектуальной работы требует новых описательных инструментов.

Лента Мёбиуса как топологическая модель. Лента Мёбиуса представляет собой простейшую неориентируемую поверхность, открытую в 1858 году немецкими математиками Августом Фердинандом Мёбиусом и Иоганном Бенедиктом Листингом. Здесь стоит пояснить, что топология — это раздел математики, изучающий свойства фигур, которые сохраняются при непрерывных деформациях, но без разрывов. Похожие изображения встречаются еще на древнеримской мозаике III века нашей эры, что свидетельствует о давнем интуитивном интересе человека к этой форме.

Ключевой топологической особенностью ленты Мёбиуса является односторонность: при локальном различии «лицевой» и «оборотной» сторон непрерывное движение по поверхности переводит наблюдателя на другую сторону без пересечения края [Клименко, Тараканова, 2023]. Если взять бумажную полосу, перекрутить один из концов на 180 градусов и склеить с другим концом, то получится лента Мёбиуса. Если затем начать закрашивать ее с одной стороны, не отрывая карандаша, то вскоре обнаружится, что вся лента оказалась закрашенной — потому что у нее нет отдельной «обратной» стороны. Это свойство делает ее основой для построения философских моделей, фиксирующих снятие жестких границ.

С позиции философской эвристики, лента Мёбиуса обладает тремя фундаментальными свойствами:

1. Односторонность — отсутствие жесткого различия между «лицом» и «изнанкой» на глобальном уровне (при том, что локально эти стороны различны).

2. Непрерывность — любая точка поверхности может быть соединена с любой другой точкой без пересечения краев.

3. Неориентированность — гипотетический наблюдатель, движущийся по ленте, при возвращении в исходную точку оказывается зеркально отраженным.

В мистической и культурологической традиции ленту Мёбиуса иногда называют символом двойственного восприятия единого. Противоположности здесь не исключают, а предполагают (перетекают) друг друга. Именно это свойство делает ленту Мёбиуса продуктивной моделью для описания мыслительных процессов, в которых внешнее и внутреннее, начало и конец оказываются неразрывно связаны.

Внутреннее и внешнее: снятие границы. Перенос логики ленты Мёбиуса на сферу мышления начинается с пересмотра оппозиции «внутреннее — внешнее». В работе А. С. Афанасьевой «Нереальные возможности непрерывного объекта» данная фигура рассматривается как модель, в которой исчезает жесткое разделение между тем, что принадлежит самому объекту, и тем, что принадлежит его окружению [Афанасьева, 2015].

Если применить эту логику к мышлению, граница между тем, что исходит от самого человека, и тем, что задано культурой, языком или социальными обстоятельствами, оказывается не такой четкой, как принято считать. Размышляя о глубоко личных вопросах, человек все равно пользуется категориями, полученными извне. Усваивая внешнюю информацию, человек неизбежно пропускает ее через собственный опыт и делает частью своего способа мыслить.

В контексте прагматического подхода, разрабатываемого Г. А. Тульчинским, смыслообразование представляет собой результат нелинейного взаимодействия социально-культурных практик и субъектности [Тульчинский, 2023]. Субъектность не является первичной данностью, а формируется как эпифеномен культуры — результат усвоения социального опыта и сопровождающего коммуникации нарративного формата. К третьему году жизни ребенок осваивает повествование от первого лица, которое является основой самосознания и памяти. Самосознание, таким образом, рождается в диалоге.

В своем рефлексивном самоописании субъектность образует «странную петлю» (термин Д. Хофштадтера), в которой внутреннее замыкается на внешнее, а социальное — на индивидуальное [Хофштадтер, 2022]. Эта петля и есть та самая «точка склейки» ленты Мёбиуса, реализующий переход от ситуации физической реальности к воображаемой, и обратно. Так, субъектность предстает как «пользователь пустот» — незаполненность, готовая к наполнению новым содержанием, что делает ее главным источником пластичности и динамики культуры.

Таким образом, субъект и культура не противостоят друг другу как что-то отдельное. Они находятся в постоянном взаимопереходе, и именно это позволяет мысли не застывать в готовых формах. Данный подход позволяет отказаться как от крайнего представления о мышлении как полностью автономном процессе, так и от жесткой трактовки человека как простого носителя внешних кодов.

Принцип ленты Мёбиуса в организации текста и дискурса. Как показано в работах Е. Г. Красильниковой, в тексте повествование может быть организовано таким образом, что читатель теряет возможность зафиксировать жесткие оппозиции «автор — персонаж» или «реальность — вымысел» [Красильникова, 2018]. В таких текстах любая попытка занять устойчивую позицию немедленно ведет к тому, что эта позиция ставится под сомнение самой структурой повествования. Читатель оказывается в положении муравья на ленте Мёбиуса из картины *Möbius Strip II, Red Ants* или «Красные Муравьи» голландского художника-графика Маурица Эшера: он бесконечно движется по поверхности, которая на самом деле имеет лишь одну сторону¹.

¹ Эшер М. К. Лента Мёбиуса II (Красные муравьи) = Escher M.C. Möbius Strip II (Red Ants) [Изоматериал]: цветная ксилография / М. К. Эшер. 1963. 1 л. Место хранения: Гаага, Музей Gemeentemuseum.

Этот же механизм бесконечной петли действует и в обычном мышлении при столкновении с противоречивой информацией. Мысль не останавливается. Она начинает двигаться по кругу, возвращаться к исходным данным и заново их перебирать. Внешне это может выглядеть как топтание на месте, однако внутри этого движения происходит перестройка понимания.

В ситуациях неопределенности привычная линейная логика перестает быть надежной опорой. На первый план выходит именно петлевое, возвратное движение мысли, которое позволяет удерживать сложность, не сводя ее к упрощенной схеме. Это особенно важно в современную эпоху, когда информация часто противоречива и требует постоянного переосмысления.

«Лента мышления»: концептуальное содержание. Обобщая сказанное, необходимо более четко сформулировать, что понимается под «лентой мышления». Это не буквальное описание устройства сознания, а способ обозначить определенный режим мыслительной работы, характерный для творческих, рефлексивных [Смирнов Г., Смирнов Д., 2012], кризисных, экстремальных [Лебедев, Смирнов, 2025] состояний интеллекта.

В линейном режиме мысль движется от предпосылок к выводу. Человек накапливает аргументы, выстраивает цепочку и приходит к результату. Данная схема эффективна для стандартных задач с известным алгоритмом — например, для выполнения привычной рабочей задачи. Однако существует другой тип ситуаций — когда задача новая, условия неопределенны, а привычные категории не схватывают сути дела.

В этих случаях мышление переходит в петлевую траекторию. Человек выдвигает предположение, пробует его применить, сталкивается с противоречием и возвращается к началу, но теперь он смотрит на исходные данные иначе. Первоначальная формулировка вопроса пересматривается. Сам процесс понимания становится не накоплением информации, а ее переосмыслением, реструктурированием.

Можно сказать, что лента мышления — это не прямая дорога от незнания к знанию, а постоянное возвращение к себе с новым пониманием. Каждый такой возврат не отбрасывает пройденное, а включает его в более сложную целостность. В этом отношении «лента мышления» близка к тому, что в философии называют герменевтическим кругом [Спирова, 2006]: чтобы понять целое, нужно понять его части, но, чтобы понять части, уже нужно иметь некоторое представление о целом.

Одним из возможных возражений против использования ленты Мёбиуса в качестве модели мышления является указание на «шов» — место склейки бумажной полоски. В реальной ленте, сделанной из бумаги, есть физический стык, который на первый взгляд нарушает идеал абсолютной непрерывности. Однако в топологии как математической дисциплине этот шов считается условным. Сама поверхность рассматривается как целостное множество точек, а склейка — лишь технический прием построения [Егорычев, 2020], который не влияет на топологические свойства объекта.

В мышлении аналогом такого стыка служит момент возврата к исходной мыслительной позиции. Человек возвращается к уже имевшемуся смыслу, но возвращается неизбежно измененным предшествующим движением. Это не простое повторение пройденного, а переход на новый виток. Сам переход происходит без

ощутимого разрыва в опыте, поэтому в процессе живого размышления человек этого шва, как правило, не замечает.

Границы применимости модели. Как отмечают И. И. Клименко и С. С. Тараканова, лента Мёбиуса давно используется в прикладных областях. В 1923 году американский изобретатель Ли де Форест², создатель триода, предложил записывать звук на киноленте без перемены катушек, сразу с двух сторон, используя принцип ленты Мёбиуса. В 1969 году советский изобретатель Анвар Губайдуллин получил авторское свидетельство на бесконечную шлифовальную ленту, работающую обеими своими сторонами³.

С точки зрения Р. А. Родевича и Е. П. Пинчук, создание твердотельной модели ленты Мёбиуса в системах автоматизированного проектирования требует строгого учета ее топологических свойств. Для построения модели необходимо создать семь плоских двумерных эскизов не только в основных плоскостях, но и в дополнительных рабочих плоскостях, ориентированных под разными углами [Родевич, Пинчук, 2022].

Особого внимания заслуживает практика повторов в формировании и закреплении смысловых структур. Ритуалы, обряды, устойчивые паттерны поведения — все это примеры того, как культура закрепляет смысл. Человек, повторяющий одно и то же действие, со временем наделяет его новым, более глубоким смыслом, хотя внешне действие остается неизменным.

Следует подчеркнуть, что «лента мышления» — это не метафора устройства сознания в целом [Kenworthy, Hurd, Dyer, 2026], а инструмент описания специфического режима мыслительной работы, активирующегося в ситуациях новизны и высокой неопределенности. Данный режим характеризуется тремя ключевыми особенностями:

- *отсутствием жесткой границы* между субъективным и объективным, где личное и культурное переходят друг в друга;
- *петлевой динамикой*, при которой результат становится предпосылкой для пересмотра исходного вопроса;
- *непрерывностью процесса*, где момент «возврата к себе» означает не повторение, а переход на новый уровень понимания.

Лента Мёбиуса, таким образом, не является точной картой сознания и не предлагает универсального объяснения всех мыслительных процессов. Речь идет не обо всем мышлении в целом, а о тех его режимах, где происходит переосмысление, где задача не решается стандартным способом и где требуется перестройка исходных предпосылок. Модель помогает заметить то, что при линейном подходе остается невидимым.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, лента Мёбиуса как топологическая модель обладает значительным концептуальным потенциалом для описания нелинейных процессов мышления. Ее ключевые свойства — односторонность, непрерывность, снятие оппозиции лицевого и оборотного — находят прямые аналогии в структурах познавательной деятельности. Во-вторых, «лента мышления» как концепт описывает особый режим мыслительной работы, при котором движение к результату

² Де Форест Л. Носитель звукозаписи: патент US 1442632 А: заяв. 1919; опублик. 1923.

³ Губайдуллин А. У. Бесконечная шлифовальная лента: авторское свидетельство SU 236278 А1: опублик. 1969.

сопровождается постоянным пересмотром исходных предпосылок. В-третьих, модель оказывается продуктивной не только для анализа индивидуального мышления, но и для описания структур художественного нарратива и гуманитарного дискурса в целом.

Для гуманитарного знания, где постоянно приходится иметь дело с переплетением индивидуального и социального, данный подход может оказаться полезным — как приглашение не спешить с жесткими разграничениями и готовыми схемами. Топология ленты Мёбиуса позволяет узаконить описанные особенности, предлагая гуманитарному знанию альтернативу линейным моделям и открывая новые перспективы для анализа процессов понимания, коммуникации и творчества.

Библиографический список / References

- Афанасьева А. С. Невероятные возможности непрерывного объекта // Экономика и социум. 2015. № 2 (15). С. 1053—1056.
(Afanasyeva A. S. Incredible Capabilities of a Continuous Object, *Economics and Society = Ekonomika i sotsium*, 2015, no. 2 (15), pp. 1053—1056. — In Russ.)
- Егорычев И. Пространство мышления: категорная структура и аксиома склейки» // Логико-философские штудии. 2020. Т. 18, № 4. С. 292—214.
(Egorychev I. The Space of Thinking: Categorical Structure and the Gluing Axiom, *Logical-Philosophical Studies = Logiko-filosofskiye shtudii*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 292—314. — In Russ.)
- Лебедев В. С., Смирнов Д. Г. Экстремальное сознание: краткая история идеи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 165—171.
(Lebedev V. S., Smirnov D. G. Extreme consciousness: a brief history of the idea, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, no. 1, pp. 165—171. — In Russ.)
- Клименко И. И., Тараканова С. С. Лента Мёбиуса: очевидное и невероятное // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2023. № 3 (78). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54093518_49893777.pdf (дата обращения: 06.06.2026).
(Klimenko I. I., Tarakanova S. S. The Möbius strip: the obvious and the incredible, *Alley of Science = Alleya Nauki: Scientific and Practical Electronic Journal*, 2023, no. 3 (78). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54093518_49893777.pdf. — In Russ.)
- Красильникова Е. Г. Постмодернистская лента Мебиуса: Саша Соколов и Джон Фаулз // Norwegian Journal of development of the International Science. 2018. № 17. С. 59—67.
(Krasilnikova E. G. The Postmodern Möbius strip: Sasha Sokolov and John Fowles, *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2018, no. 17, pp. 59—67. — In Russ.)
- Родевич Р. А., Пинчук Е. П. Неориентируемая топологическая поверхность: лента Мёбиуса средствами Autodesk Inventor // Инженерная и компьютерная графика. Брянск: Брянский гос. тех. ун-т, 2022. С. 42—46.
(Rodevich R. A., Pinchuk E. P. Non-orientable topological surface: Möbius strip using Autodesk Inventor, in *Engineering and Computer Graphics*, Bryansk, 2022, pp. 42—46. — In Russ.)

- Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, № 1. С. 21—28.
(Smirnov G. S., Smirnov D. G. Hypostases of noospheric history, *Higher Educational Institutions Proceedings. Series: Humanities*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 21—28. — In Russ.)
- Спирова Э. М. Герменевтический круг // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. С. 198—204.
(Spirova E. M. The Hermeneutic Circle, *Knowledge. Understanding. Skill = Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2006, no. 2, pp. 198—204. — In Russ.)
- Тулчинский Г. Л. Лента Мёбиуса прагмасемантики смысла: от культуры через субъектность в ничто — и обратно // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 4. С. 8—30.
(Tulchinsky G. L. The Möbius strip of the pragmasemantics of meaning: from culture through subjectivity into nothingness — and back, *Slovo.ru: Baltic Accent*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 8—30. — In Russ.)
- Хофштадтер Д. Я — странная петля. М.: АСТ; ОГИЗ, 2022. 508 с.
(Hofstadter D. *I Am a Strange Loop*, Moscow, 2022, 508 p. — In Russ.)
- Kenworthy A., Hurd F., Dyer S. One of Us is Dying: Musings on Love, Loss, and the Beauty of a Möbius Strip Metaphor, *Journal of Management Inquiry*, 2026, no. 35 (4), pp. 515—524. DOI:10.1177/10564926261445343

Статья поступила в редакцию 02.06.2026; одобрена после рецензирования 30.06.2026; принята к публикации 28.08.2026.

The article was submitted 02.06.2026; approved after reviewing 30.06.2026; accepted for publication 28.08.2026.

Информация об авторе / Information about the author*

Гоголева Валерия Евгеньевна — студентка 2 курса, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, leragogleva4@gmail.com

Gogleva Valeria Evgenievna — 2nd year student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, leragogleva4@gmail.com

* Научный руководитель — доцент кафедры философии Ивановского государственного университета Меликян Мерине Акоповна.

Д. А. Еремина

ЭСТЕТИЗАЦИЯ И РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЛА В РОМАНЕ «ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ»: СИНТЕЗ ПЛАТОНИЧЕСКОГО, ДИОНИСИЙСКОГО И НИЦШЕАНСКОГО НАЧАЛ

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу романа Донны Тартт «Тайная история» через призму трех концептуальных начал — платонического, дионисийского и ницшеанского. Показано, что сюжет романа строится на попытке группы студентов-интеллектуалов «оживить» античные ритуалы, что приводит к двойному убийству — случайному и сознательному. Анализируется, как платоновский идеал элитарного знания, дионисийский экстаз и ницшеанская концепция Сверхчеловека, соединяясь в сознании героев, формируют опасный мировоззренческий синтез, в котором эстетическая ценность подменяет этическую. Автор прослеживает, как рационализация зла и эстетизация насилия приводят героев к моральному и физическому краху. В работе обосновывается, что роман представляет собой предостережение об интеллектуальной гордыне, «гуманизме без человечности» и разрушительности красоты, лишенной морали. Новизна темы для философии состоит в переводе классических концептов из истории идей в инструмент анализа современных этических катастроф и в рассмотрении литературы как «лаборатории» для проверки этических доктрин.

Ключевые слова: Донна Тартт, «Тайная история», проблема зла, платонизм, дионисийское начало, ницшеанство, Сверхчеловек, воля к власти, аполлоническое и дионисийское, эстетика и этика, вакханалия, моральная деградация.

Ссылка для цитирования: Еремина Д. А. Эстетизация и рационализация зла в романе «Тайная история»: синтез платонического, дионисийского и ницшеанского начал // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 61—68.

Original article

D. A. Eremina

AESTHETICIZATION AND RATIONALIZATION OF EVIL IN THE NOVEL “THE SECRET HISTORY”: A SYNTHESIS OF PLATONIC, DIONYSIAN AND NIETZSCHEAN ELEMENTS

Abstract. This article offers a philosophical analysis of Donna Tartt’s novel “The Secret History” through the prism of three conceptual frameworks: Platonic, Dionysian, and Nietzschean. It demonstrates that the plot centers on a group of intellectual students attempting to “revive” ancient rituals, an endeavor that culminates in a double homicide — one accidental and one deliberate. The study examines how Platonic ideal of elite knowledge, Dionysian ecstasy, and Nietzschean concept of the Übermensch converge in the characters’ minds to form a perilous worldview in which aesthetic value supplants ethical value. The author traces how the rationalization of evil and the aestheticization of violence lead the characters to moral and

physical ruin. The paper argues that the novel serves as a cautionary tale regarding intellectual hubris, “humanism devoid of humanity” and the destructive nature of beauty stripped of morality. The philosophical novelty of this approach lies in translating classical concepts from the history of ideas into tools for analyzing contemporary ethical catastrophes and in treating literature as a “laboratory” for testing ethical doctrines.

Keywords: Donna Tartt, “The Secret History”, the problem of evil, Platonism, the Dionysian element, Nietzscheanism, Übermensch, will to power, Apollonian and Dionysian, aesthetics and ethics, bacchanalia, moral degradation.

Citation Link: Eremina D. A. (2026) aestheticization and rationalization of evil in the novel “The Secret History”: a synthesis of Platonic, Dionysian, and Nietzschean elements, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 61—68.

Введение. Донна Тартт — современная американская писательница, представительница так называемой «медленной» прозы, так как пишет один роман в десятилетие. Роман «Тайная история» стала ее дебютом и фактически заложила каноны жанра «темная академия» (*Dark Academia*). Данный термин обозначает специфический жанр художественных произведений, сконцентрированный вокруг классической культуры и элитарного гуманитарного образования [Гудова, 2023].

Название «Тайная история» отсылает к произведению византийского историка VI века Прокопия Кесарийского. Исполняя обязанности военного летописца Флавия Велизария (византийский главнокомандующий и приближенный императора), он написал восьмитомную «Историю войн», которую снабдил «неофициальным» дополнением — памфлетом под заглавием «Anecdota». В нем он излагает закулисные причины описанных в труде политических событий и весьма критически оценивает действия императора Юстиниана и его жены Феодоры. Греческое название памфлета переводилось на английский как «The Secret History», а на русский — как «Тайная история».

Основанный на матрице университетского романа произведение включает элементы массовой литературы и структурообразующее влияние античной культуры. Античность выполняет в романе эскапистскую и сюжетообразующую функции; нарратив романа можно сопоставить с хором в античной трагедии. Можно говорить о возвращении к прошлому в романе как о композиционном приеме и как о культурно-ценностной ориентации героев, вектор которой задается античностью [Анцыферова, 2015].

Цель данной статьи — изучить «проблему зла» через призму дионисийского, платонического и ницшеанского начал в романе Донны Тартт «Тайная история». Произведение представляет собой текст со сложным переплетением множества жанров: детектива, университетского романа и философской притчи.

Сюжет романа. Кратко сюжет романа можно описать следующим образом. Группа из пяти студентов престижного Хэмпден-колледжа под руководством харизматичного профессора Джулиана Морроу изучает древнегреческий язык. Они изолированы от студенческого сообщества, живут в атмосфере интеллектуального снобизма и афинских идеалов. Стремление «оживить» древние ритуалы приводит их к совершению убийства сначала случайного (во время буйства вакханалии), а затем осознанного и спланированного убийства своего друга Банни Коркорана.

Роман «Тайная история» имеет аналитическую композицию (которую впервые использовал Софокл в «Царе Эдипе») — произведение начинается с убийства. Дальнейшее повествование представляет собой ретроспективу событий, приведших к нему и его последствиям. Это перевернутая детективная история, рассказанная одним из шести студентов, Ричардом Пэйпеном, который спустя годы размышляет о ситуации, приведшей к смерти их друга Эдмунда «Банни» Коркорана. Последний выбивался из общей компании студентов. Будучи вульгарным, шумным и праздным человеком, который серьезно интеллектуально уступал своим друзьям, вызывал раздражение у членов группы. Последней каплей стала попытка Банни шантажировать группу. Не участвуя в вакханалии и случайном убийстве фермера, он узнал о произошедшем и поставил под угрозу безопасность героев. В результате лидер группы Генри Винтер принял судьбоносное решение.

Столь легкое переступание через моральные нормы объясняется позицией главных героев, согласно которой красота и истина — тождественные понятия. Фактически для героев эстетическая ценность превалирует над этической составляющей действия. Студенты постепенно теряют связь с реальностью, перемещаясь из Вермонта 1980-х в пространство текстов Гомера, Платона и Еврипида. Зло (убийство) стало восприниматься ими не как уголовное преступление, а как сцена из греческой трагедии. Определенная вина за моральную трансформацию лежит на их профессоре Джулиане Морроу, который утверждал, что «ужасное может быть прекрасным». Профессор выступает в качестве загадочного харизматического проповедника античных ценностей. Он рационализирует грех (зло), превращая его в объект интеллектуального любования. Зло эстетизируется через форму: если оно совершено «красиво» и в рамках высокого канона, оно перестает быть низменным [Ломакина, Полховская, 2020].

Опыт тернарного описания. В «Тайной истории» имеет место тесное переплетение, фактически философский синтез трех концепций: платонической, дионисийской и ницшеанской.

Платонизм как философское учение Платона и его последователей утверждает абсолютную реальность идей и бессмертие души, что иногда истолковывается как утверждение, что универсальные понятия существуют независимо от их конкретных воплощений. Составной частью платонизма (платоническим началом) является мир идей и элитизм. Платонизм в романе проявляется в стремлении героев к «чистым формам» и презрении к материальному, низкому и «грязному» миру. Герои считают себя проводниками высшего, сакрального знания. Согласно Платону, философ стоит выше обывателя [Чельшев, 2016: 341—346]. Это убеждение дает им ложное право распоряжаться жизнями тех, кто «не понимает» (как Банни, который, хоть и входил в их круг, был духовно и интеллектуально чужд им).

В романе получил отражение и знаменитый платоновский миф о пещере, в которой живут узники, прикованные к стене так, что не могут даже повернуть головы. Познавать мир они могут лишь через наблюдение за пляской теней на стене. Но то, что тени — это лишь отражение от происходящего снаружи, узники не догадываются. Согласно Платону, пещера олицетворяет чувственный мир, в котором живут люди. Они уверены, что благодаря лишь органам чувств они познают истинную реальность. Но на самом деле, подобно узникам пещеры, они наблюдают лишь иллюзорную жизнь. В самом романе миф о пещере отражается

двойственно. С одной стороны, бытие главных героев и представляет собой жизнь в «пещере» собственных иллюзий о Древней Греции, где тени великих античных авторов и героев становятся реальнее, чем живые люди. С другой стороны, главные герои уверены (не замечая своей интеллектуальной изоляции), что именно они являются носителями подлинного знания, формируя свою реальность, воспринимая ее как единственно верную и подлинную [Платон, 1994: 295—302]. Таким образом, группа одновременно является узниками своей собственной пещеры, параллельно считая узниками всех остальных.

В романе отражено и *дионисийское начало*, в центре которого находятся хаос и экстаз. Оно напрямую связано с древнегреческим богом Дионисом (также Вакх, Бахус) — младшим из олимпийцев, богом растительности, виноградарства, виноделия, производительных сил природы, вдохновения и религиозного экстаза, а также театра в древнегреческой мифологии. До открытия Микенской культуры многие историки высказывали мысль о «варварском» происхождении Диониса, так как его экстатический культ с неистовыми пьяными вакханалиями казался исследователям чуждым трезвому рационализму и ясному темпераменту эллинов. Тем не менее ахейские надписи свидетельствуют, что греки знали Диониса еще до Троянской войны [Предметно-понятийный словарь греческого языка: Микенский период, 1986: 157].

Центральным событием, запустившим цепь трагедий, стала попытка героев провести дионисийскую мистерию. Дионисийская вакханалия¹ предполагает два существенных момента.

Переход и даже разрушение границ. Так, согласно немецкому философу Фридриху Ницше (его работа «Рождение трагедии из духа музыки»), дионисийское начало — это первобытный хаос, безумное опьянение и потеря индивидуальности.

Рационализация безумия: убийство героями фермера во время вакханалии — это чистый дионисийский хаос. Герои ищут утраченное единство с природой и подлинным бытием через насилие, полагая, что экстаз освобождает их от человеческих законов [Тартт, 2021: 184—192].

Ницшеанство в романе проявляется в концепции сверхчеловека (*Übermensch*) и «воли к власти». «Сверхчеловек» — термин, введенный философом Фридрихом Ницше в произведении «Так говорил Заратустра». Так философ обозначил образ идеального человека, который преодолел все свои ограничения: привычные убеждения, моральные нормы, традиции [Рубцова, 2016]. В свою очередь, для Ницше воля к власти не столько реализация каких-либо политических амбиций, сколько внутренняя энергия, жизненный потенциал. Это сила, побуждающая человека выйти за пределы своего нынешнего «я», преодолеть слабость, страдание, моральные и культурные догмы [Кузнецов, 2023]. Один из главных героев произведения Генри Винтер, лидер группы, воплощает ницшеанский идеал. Он пытается преодолеть «рабскую мораль» христианства и закона. Для него убийство — это способ проверить свою волю, стать «по ту сторону добра и зла». Генри оправдывает убийство своего друга Банни как логическую необходимость. Он не чувствует вины в обычном понимании, лишь интеллектуальное

¹ Вакханалия — оргиастические и мистические празднества в честь бога Вакха (Диониса), шедшие через Грецию и распространившиеся сначала на юг Италии и Этрурии, а ко II веку до н. э. — по всей Италии и в Риме [Кун, 1927].

удовлетворение от того, что он смог перешагнуть через общественный запрет. Но в конечном счете герои приходят к физическому и моральному краху, свидетельством чему является самоубийство лидера группы Генри Винтера. А в дальнейшем — фактический развал группы. Трагедия романа заключается в том, что рационализация зла не спасает от его последствий.

Концептуальный анализ. Касаясь составных философских позиций, на которых держалась указанная группа студентов интеллектуалов, можно заметить следующее. Платонический идеал рассыпается при столкновении с реальностью (приводит лишь к страху и паранойе). Дионисийский экстаз сменяется тяжелым социальным разложением и пустотой. Ницшеанский сверхчеловек (Генри Винтер) в итоге осознает, что он всего лишь человек, и единственный способ сохранить «красоту» своей трагедии — это самоубийство [Тартт, 2021: 572—573].

Своим произведением Донна Тартт показывает: когда эстетика полностью подменяет собой этику, личность неизбежно деградирует и распадается. Красота, лишённая морали и человечности, становится темной разрушительной силой. Главный концепт романа заложен в словах: «Красота есть ужас. Мы хотим быть поглощенными ею» [Тартт, 2021: 54]. Разбирая данную цитату, стоит отметить, что в эстетике существует понятие возвышенного. Это не трогательная красота утреннего пейзажа или цветочного букета, а нечто грандиозное и пугающее (как падение цивилизации, морской шторм или грандиозный пожар). Герои же ищут «чистую» красоту, которая стоит выше морали. Последняя же является лишь формальным ограничением, которое не должно стоять на пути чистой эстетики. Убийство для них есть попытка прикоснуться к этому первобытному, ужасающему величию.

В романе приводится цитата: «В красоте заключен ужас. Все, что мы называем прекрасным, заставляет нас содрогаться» [Тартт, 2021: 54]. Погружаясь в эти идеи, герои начинают терять себя. Студенты одержимы идеей избавления от собственного «Я», от скучной повседневности и груза совести. Они верят, что через древние ритуалы (вакханалию) можно выйти за пределы человеческого и стать единым с божественным хаосом. Но на деле «потеря себя» оборачивается потерей человеческого облика.

В «Тайной истории» присутствует и ницшеанское противопоставление аполлонического и дионисийского. Это фундамент романа. Ницше в «Рождении трагедии» выделял два начала: аполлоническое — порядок, иерархия, логика, строгость, форма, самоконтроль (к нему можно отнести их учебу, изучение греческого языка, взаимодействие с другими людьми, их дорогие стильные идеальные костюмы) и дионисийское — хаос, экстаз, опьянение, насилие (к нему можно отнести их вакханские ночные ритуалы в лесу и два совершенных ими убийства) [Матвейчев, 2021]. Трагедия же случается тогда, когда аполлоническая маска (строгий интеллектуализм) не выдерживает давления дионисийского хаоса. Герои считали, что могут окунуться в мистерии, после чего вернуться к нормальной жизни, но хаос поглотил их жизни.

Фактический лидер группы Генри Винтер — классический пример попытки стать «сверхчеловеком». Он считает, что если он обладает интеллектом и волей, то юридические нормы или религиозные заповеди на него не распространяются. Но Ницше предупреждал: «Если долго смотреть в бездну, бездна начнет смотреть в тебя». Генри рационализирует убийство как математическую задачу

или мысленный эксперимент, но в итоге он не находит свободы, а заключает себя во внутреннюю тюрьму. Как было сказано ранее, герои заперлись в башне из слоновой кости, ограниченной античными текстами. Они смотрят на тени прошлого и принимают их за истинную жизнь. Обычные люди, будь то их семьи, другие студенты и преподаватели и даже их друг Банни с их приземленными заботами, для них — лишь низшие существа.

В «Государстве» Платон высказывает мысль о предпочтительности правления просвещенных философов. Герои интерпретируют это превратно: раз мы «мудрецы», нам позволено очистить свой круг от «несовершенного» элемента (Банни) [Тартт, 2021: 294—298]. Фактически герои мнят себя правителями-философами, за исключением того, что у Платона образованное меньшинство действует ради блага общества, тогда как герои стремятся отдалиться от других людей.

Актуальный посыл романа раскрывается в ряде моментов. *Предостережение об интеллектуальной гордыне.* Роман помимо прочего представляет собой концентрированную критику «гуманизма без человечности» (искаженное понимание гуманистических принципов, когда акцент делается на человеке как центре мировоззрения, но при этом игнорируются или обесцениваются нравственные и духовные аспекты, лежащие в основе подлинной человечности). В тексте демонстрируется, что эрудиции и высокого классического образования недостаточно для формирования здоровой моральной личности. Напротив, философия может стать идейным оружием в руках того, кто ищет оправдания для реализации своих темных импульсов. В тексте содержится напоминание о том, что этика (что есть мораль) должна стоять впереди эстетики (что есть красота).

Также в своем произведении Тартт размышляет о *трагедии одиночества и поиске смысла*. Так, главный герой и рассказчик Ричард Пейпен готов пойти на убийство просто ради того, чтобы закрепить свой высокий статус в глазах элитной группы богатых студентов и, в частности, получить одобрение лидера Генри Винтера. Это история о том, как страх быть отвергнутым заставляет нас совершать ужасные вещи.

Также сюжет «Тайной истории» строится вокруг *разрушения иллюзий*. Люди склонны романтизировать многие академические добродетели: классическое образование, страсть к высокому искусству, богатую эрудицию. Тартт безжалостно срывает эту маску, показывая, что за идеальным фасадом часто скрываются трусость, алкоголизм и безумие.

Новизна темы для философии состоит в том, что она переводит классические концепты из истории идей в инструмент анализа современных этических катастроф. Бездумный синтез подчас противоположных философских систем может быть опаснее следованию любой из них по отдельности. Ницшеанский сверхчеловек в реальности оказывается не господином своей жизни, а жертвой собственного аморализма. Поиск чистой эстетики может привести к этическому восприятию. Литература может служить полноценной лабораторией для проверки этических доктрин. Интеллектуальный элитизм без четкого этического фундамента ведет к моральному падению.

Заключение. Вышеуказанные тезисы открывают новые перспективы для практической философии, этики и философской антропологии, предлагая отказаться от рассмотрения философских систем как изолированных конструкций в пользу анализа их синтетического воздействия на живого человека. В конечном

счете можно отметить следующее: роман Донны Тартт «Тайная история» не должен рассматриваться как рассказ о том, как глубокое изучение античной литературы, религии и философии довели группу студентов до безумия. Это произведение о том, что культура — это лишь тонкий слой лака, маскирующий подчас темную истинную сущность человека. Если люди решат, что они слишком просвещенные, чтобы быть моральными, мы неизбежно превратимся в чудовищ. Красота может спасти мир, но, как показывает Тартт, она же может его и уничтожить, если мы забудем про совесть. На первый взгляд, философия романа — это гимн древности, но на самом деле это ее эпитафия. Заслуживает ли эстетически обрамленное зло понимания и прощения? Тартт оставляет этот вопрос открытым, расставляя по тексту лишь намеки и образы, которые могут подтолкнуть нас к правильному ответу.

Библиографический список / References

- Анцыферова О. Ю. Античный код в университетском романе Донны Тартт «Тайная история» // Вестник ННГУ. 2015. № 2-2. С. 22—27.
(Antsyferova O. Yu. The Classical Code in Donna Tartt's Campus Novel "The Secret History", *Lobachevsky State University Bulletin*, 2015, no. 2-2, pp. 22—27. — In Russ.)
- Гудова С. А. Жанр «темной академии»: одержимость знанием // Горизонты гуманитарного знания. 2023. № 5. С. 22—32.
(Gudova S. A. The "dark academia" genre: obsession with knowledge, *Horizons of Humanities Knowledge = Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 2023, no. 5, pp. 22—32. — In Russ.)
- Ломакина И. Н., Полховская Е. В. Танатопэтика Донны Тартт (на материале романа «Тайная история») // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, вып. 2. С. 352—357.
(Lomakina I. N., Polkhovskaya E. V. Donna Tartt's thanatopoetics (based on the novel "The Secret History"), *Udmurt University Bulletin. Series "History and Philology"*, 2020, vol. 30, no. 2, pp. 352—357. — In Russ.)
- Кузнецов О. Ю. Воля к власти как новая онтологическая реальность в философии Ф. Ницше // Общество: философия, история, культура. 2023. № 11. С. 159—164.
(Kuznetsov O. Yu. The will to power as a new ontological reality in the philosophy of F. Nietzsche, *Society: Philosophy, History, Culture*, 2023, no. 11, pp. 159—164. — In Russ.)
- Кун Н. А. Вакханалии // Большая советская энциклопедия: в 66 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: Советская энциклопедия, 1926—1947. Т. 8: Буковые — Варле. 1927. Стлб. 611.
(Kun N. A. Bacchanalia, in Schmidt O. Yu. (ed.) *Great Soviet Encyclopedia*: in 66 vols., Moscow, 1927, vol. 8, col. 611. — In Russ.)
- Матвейчев О. А. Аполлоническое и дионисийское: жизнь и судьба одной известной метафоры // История философии. 2021. № 1. С. 114—136.
(Matveychev O. A. The Apollonian and the Dionysian: the life and fate of a famous metaphor, *History of Philosophy*, 2021, no. 1, pp. 114—136. — In Russ.)
- Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева и др. Т. 4. М.: Мысль, 1994. 801 с.
(Platon. *Collected Works*: in 4 vols., vol. 4, Moscow, 1994, 801 p.)

Предметно-понятийный словарь греческого языка: Микенский период / отв. ред. В. П. Нерознак. Л.: Наука, 1986. 209 с.
(Neroznak V. P. (Ed.) *Thematic-conceptual dictionary of the Greek language: Mycenaean Period*, Leningrad, 1986, 209 p. — In Russ.)

Рубцова А. А. Концепция сверхчеловека в философии Фридриха Ницше // Научный журнал. 2016. № 7 (8). С. 38—40.
(Rubtsova A. A. The concept of the *Übermensch* in the philosophy of Friedrich Nietzsche, *Scientific Journal = Nauchnyy zhurnal*, 2016, no. 7 (8), pp. 38—40. — In Russ.)

Тартт Д. Тайная история. Роман / пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. М.: Corpus, 2021. 592 с.
(Tartt Donna. *The Secret History*. Novel, Moscow, 2021, 592 p. — In Russ.)

Челышев П. В. Платон об идеальных и ложных философах // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 3-2. С. 341—346.
(Chelyshev P. V. Plato on ideal and false philosophers, *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2016, no. 3-2, pp. 341—346. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.06.2026; одобрена после рецензирования 30.06.2026; принята к публикации 28.08.2026.

The article was submitted 03.06.2026; approved after reviewing 30.06.2026; accepted for publication 28.08.2026.

Информация об авторе / Information about the author*

Еремина Дарья Алексеевна — студентка 2 курса, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, dasha.yermina.06@mail.ru

Eremina Darya Alekseevna — 2nd year student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, dasha.yermina.06@mail.ru

* Научный руководитель — доцент кафедры философии Ивановского государственного университета Меликян Мерине Акоповна.

ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ: ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ

Научная статья

УДК 141.32

DOI: 10.46724/NOOS.2026.3.69-73

Е. А. Саблин, Г. В. Глущенко

«ЧУЖИЕ СРЕДИ НЕСВОИХ»: АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ И ЭДУАРД ЛИМОНОВ (ОПЫТ КУЛЬТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ)

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу жизненного и творческого пути двух русских мыслителей и писателей второй половины XX века — Александра Зиновьева (1922—2006) и Эдуарда Лимонова (1943—2020), чьи судьбы оказались неразрывно связаны с диссидентством и эмиграцией. Авторы рассматривают их как фигуры, соединившие неприятие советской системы с глубоким разочарованием в западном обществе. Показано, что их нонконформизм носил не ситуативный, а глубинный, экзистенциальный характер и не вмещался ни в какие идеологические рамки. Прослеживаются основные этапы их биографии: формирование конфликта с системой, вынужденная эмиграция, жизнь на Западе, разочарование в западной реальности и возвращение в постсоветскую Россию. Выявляются параллели эмигрантского опыта обоих писателей: разоблачение обеих систем, отторжение со стороны эмигрантского сообщества, создание особого типа героя-маргинала. Делается вывод о рядоположенности жизненных философий Зиновьева и Лимонова.

Ключевые слова: Александр Зиновьев, Эдуард Лимонов, нонконформизм, диссидентство, эмиграция, советская система, западное общество, «демократический тоталитаризм», «гомо советикус», герой-маргинал.

Ссылка для цитирования: Саблин Е. А., Глущенко Г. В. «Чужие среди несвоих»: Александр Зиновьев и Эдуард Лимонов (опыт культурной рефлексии) // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 69—73.

Original article

E. A. Sablin, G. V. Glushchenko

“FOREIGNERS AMONGST FOREIGNERS”: ALEXANDER ZINOVIEV AND EDUARD LIMONOV (EXERCISE IN CULTURAL REFLECTION)

Abstract. This article presents a comparative analysis of the lives and creative trajectories of two Russian thinkers and writers of the second half of the 20th century — Alexander Zinoviev (1922—2006) and Eduard Limonov (1943—2020) — whose destinies were inextricably linked to dissent and emigration. The authors examine them as figures who combined a rejection of the Soviet system with profound disillusionment regarding Western society. It is shown that their nonconformism was not merely situational but deeply existential in nature, defying any ideological categorization. The article traces the key stages of their biographies:

© Саблин Е. А., Глущенко Г. В., 2026

Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 69—73 •

the development of conflict with the system, forced emigration, life in the West, disillusionment with Western reality, and their return to post-Soviet Russia. Parallels between the two writers' experiences as émigrés are identified: the critique of both systems, alienation from the émigré community, and the creation of a distinct type of marginal protagonist. The conclusion is drawn that the life philosophies of Zinoviev and Limonov stand on the same plane.

Keywords: Alexander Zinoviev, Eduard Limonov, nonconformism, dissent, emigration, Soviet system, Western society, “democratic totalitarianism”, “Homo Sovieticus”, hero-marginal.

Citation Link: Sablin E. A., Glushchenko G. V. (2026) “Foreigners amongst foreigners”: Alexander Zinoviev and Eduard Limonov (exercise in cultural reflection), *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 69—73.

Во второй половине XX века среди русских мыслителей и писателей, чья жизнь оказалась неразрывно связана с диссидентством и эмиграцией, выделяют две фигуры, соединившие неприятие советской системы с глубоким разочарованием в западном обществе, — Александр Александрович Зиновьев (1922—2006) и Эдуард Вениаминович Лимонов (1943—2020). Оба были вынуждены покинуть СССР, прошли через горнило эмигрантской жизни на Западе, создали произведения, ставшие вызовом как советскому официозу, так и либерально-диссидентскому истеблишменту, и в итоге вернулись в Россию, столкнувшись с новой постсоветской реальностью. Их нонконформизм не был ситуативным — он носил глубинный, экзистенциальный характер, не вмещавшийся ни в какие готовые идеологические рамки.

В советский период Зиновьев был успешным представителем академической элиты — профессор, доктор философских наук, специалист в области логики и методологии науки. Однако внутренняя эволюция привела его к созданию первого «социологического романа» «Зияющие высоты» (1976), опубликованного в Швейцарии. Роман стал беспощадной сатирой на советскую реальность, вскрывая механизмы бюрократии и конформизма. Проблема свободы раскрывается в диалогах: Клеветник утверждает, что «свобода есть познанная необходимость», а Убийца — что «свобода есть обходимость» [Зиновьев, 2003а: 44]. В персонажах угадывались аллюзии на реальных лиц: Хозяин — И. В. Сталин, Хряк — Н. С. Хрущёв, Правдец — А. И. Солженицын. Публикация разрушила его карьеру в МГУ и карьеру брата. Зиновьев общался с диссидентами, но не стал органичной частью правозащитного движения, придя к критике через логический анализ. В июне 1978 года вышел его роман «Светлое будущее» с личными оскорблениями в адрес Л. И. Брежнева, после чего 1 августа 1978 года он был лишен гражданства и выслан в Мюнхен.

Эдуард Лимонов (родившийся в Дзержинске и выросший в Харькове) прошел школу уличной жизни, сменил множество профессий, но подлинным призванием стала литература. С 1965 года он входил в круг харьковской богемы, а переехав в Москву в 1967 году, оказался в среде литературного и художественного андеграунда. Он выпустил пять самиздатовских сборников, писал авангардистские рассказы, вращался среди художников-нонконформистов. Однако в литературных кругах оставался маргиналом; его конфликт с московской интеллигенцией носил экзистенциальный характер. Лимонов утверждал право художника на абсолютную свободу самовыражения, что было неприемлемо ни

для советской цензуры, ни впоследствии для либеральной критики. В 1974 году, отказавшись сотрудничать с КГБ (ему предложили следить за послом Венесуэлы), он был вынужден эмигрировать и лишен гражданства.

Уже на этапе жизни в СССР Зиновьев и Лимонов демонстрируют принципиальные сходства: оба пришли к конфликту с системой не через организованное диссидентство, а через глубоко личный протест. Зиновьев — через логическую деконструкцию, Лимонов — через эстетический бунт. Оба контактировали с инакомыслящими, но не стали частью диссидентской среды. Оба были депортированы в близкое время (1974 и 1978 годы) и отправились на Запад, который, как им казалось, станет пространством свободы, но обернулся новым разочарованием.

Эмигрантский период Зиновьева начался в Мюнхене. В 1982 году он опубликовал роман «Гомо советикус», где ввел термин для обозначения особого антропологического типа, сформированного советской системой. Герои носят обобщенные имена (Писатель, Нытик, Шутник), иллюстрируя разные грани «гомо советикуса». Зиновьев высмеивает и советскую систему, и западное общество, утверждая парадокс: «гомо советикус — не деградация, а высший продукт цивилизации». Он критикует эмигрантов, оказавшихся «в положении глухонемого, которого вытолкнули на сцену оперного театра... Хорошо еще то, что театр оказался пуст...» [Зиновьев, 2006: 23], и заявляет: «Эмиграция вообще есть диктатура бездарности» [там же: 23]. Его важнейшее противопоставление: «На Западе борются с терроризмом, а в Союзе борются с возможностью его появления. Тут лечат болезнь, а там занимаются профилактикой». Позднее эта мысль разовьется в концепцию «демократического тоталитаризма». В 1988 году выходит роман «Катастройка», где горбачевская перестройка изображена как тотальная имитация реформ, маневр для сохранения власти бюрократией [Зиновьев, 2005].

Лимонов, прибыв в Нью-Йорк, вскоре разочаровался в американской реальности. Он работал корректором в газете «Новое русское слово», но после публикации критической «говорящей» статьи «Разочарование» был уволен. Его несколько раз допрашивали в ФБР, подозревая, что он заслан КГБ для дискредитации американского строя; в середине 1970-х он посещал собрания американских троцкистов. В мае 1976 года он приковал себя наручниками к зданию «New York Times», требуя публикации своих статей. Политические взгляды Лимонова радикализировались: из антисоветчика он превратился в убежденного антиамериканиста. Роман «Это я — Эдичка» (написан в 1976 году, издан в 1979 году) стал поворотным моментом [Лимонов, 1979]. Предельно откровенное автобиографическое повествование разрушало романтический образ эмиграции. В основе романа — оппозиция «своего» и «чужого» миров [Сухих, 2017]. И советская, и эмигрантская критика единодушно осудили книгу. В «Дневнике неудачника» (написан в 1977 году, издан в 1982 году) Лимонов развивает центральную концепцию разделения общества на два «племена» — «удачных» и «неудачников»; к последним могут относиться и богатые люди, если они презирают существующую цивилизацию, — главное, насколько человек хочет ее разрушить [Лимонов, 1982]. Его герой мечтает о революции неудачников против успешных, атакуя не столько экономическое неравенство, сколько сами ценности буржуазного общества. Переехав в 1980 году в Париж, Лимонов сблизился с коммунистами, работал в издании «Революсьон», а в 1987 году получил французское гражданство.

Здесь формируется его идеология «Третьего пути» — радикальное отрицание и советского бюрократизма, и либерального капитализма [XX век: Лимонов, 1997].

Эмигрантский опыт обоих писателей обнаруживает поразительные параллели. Они использовали литературный талант для разоблачения противоречивых систем: Зиновьев разработал концепцию «демократического тоталитаризма», Лимонов — деление на «удачных» и «неудачников». Оба столкнулись с резким отторжением со стороны эмигрантского сообщества, ожидавшего от них безоговорочного восхваления Запада. Оба создали особый тип героя-маргинала: у Зиновьева собирательные образы «гомо советикуса», у Лимонова — автобиографический Эдичка, балансирующий между бунтарством и самоуничтожением.

Возвращение в постсоветскую Россию стало для обоих новым разочарованием. Зиновьев, вернувшись в 1999 году после бомбардировок Югославии, застал общество, в котором люди, лишившись коллектива, превратились в пародию на западных индивидуалистов. В книге «Русская трагедия» (2003) он возлагает коллективную вину за гибель СССР на всех: «На каждом лежит вина, что не стал защищать советскую власть, каждый стал предателем или молчаливым соучастником...» [Зиновьев, 2003б: 9]. Он скорбит о разрушенном мире, где существовала «невидимая нить, что связывала каждого человека с коллективом», и характеризует начало XXI века как «глобальное помутнение и поворот к дремучему мракобесию».

Лимонов вернулся в 1991 году и увидел в новой России карикатуру на ненавистный ему западный мир: культ индивидуализма, коммерциализацию, коррумпированную бюрократию. В 1993 году он создал Национал-большевистскую партию (чья деятельность запрещена на территории Российской Федерации), в идеологии которой парадоксально соединились антикапитализм, имперский патриотизм и контркультурный бунт. Это была попытка воплотить «левые идеи, выраженные в национальной форме». Его конфликт с властью вылился в открытую борьбу: в 2001—2003 годах Лимонов находился в заключении. Он строил утопию «Третьего пути», которая, не будучи реализованной, обладала огромной мобилизующей силой для радикальной молодежи.

В постсоветский период оба мыслителя вновь проявили сходство судеб. Они не приняли капиталистическую Россию, видели в ней не обещанную свободу, а повторение худших черт Запада, лишенное советского коллективизма. Оба пересмотрели отношение к советскому прошлому: Зиновьев через трагическое осмысление гибели СССР, Лимонов через создание политической организации, синтезирующей левый радикализм и имперский патриотизм.

При всех различиях в происхождении, образовании и стиле (академический ученый и поэт-самоучка) Зиновьев и Лимонов прожили жизнь как последовательные нонконформисты, для которых свобода самовыражения была важнее любой конъюнктуры. «В произведениях обоих авторов прослеживается отчетливо и последовательно воплощенная мысль о родственности двух систем, противоположных на первый взгляд: социалистической и либерально-демократической» [Сухих, 2017: 243]. Они заплатили за это изгнанием, бедностью, тюремным заключением, общественным отторжением, но оставили творческое наследие, чья значимость выходит за пределы эпохи. «Путь, преодоленный от пошлости „Зияющих высот“ до трагизма „Русской трагедии“, делает наследие Александра Зиновьева противоречивым и не менее значимым для

потомков». Эти слова в полной мере относятся и к Эдуарду Лимонову, чей путь от эпатажного Эдички до политического радикализма был столь же противоречив и значим. Их опыт свидетельствует: подлинный нонконформизм — это не просто несогласие с существующим порядком, но готовность отстаивать свою позицию, даже если она противоречит ожиданиям всех лагерей сразу.

Библиографический список / References

- Зиновьев А. А. Зияющие высоты. М.: АСТ, 2003а. 576 с.
(Zinoviev A. A. *The Yawning Heights*, Moscow, 2003, 576 p. — In Russ.)
- Зиновьев А. А. Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2003б. 304 с.
(Zinoviev A. A. *Russian Tragedy*, Moscow, 2003, 304 p. — In Russ.)
- Зиновьев А. А. Катастроика. М.: Эксмо, 2005. 256 с.
(Zinoviev A. A. *Katastroika*, Moscow, 2005, 256 p. — In Russ.)
- Зиновьев А. А. Гомо советикус. М.: Эксмо, 2006. 448 с.
(Zinoviev A. A. *Homo Sovieticus*, Moscow, 2006, 448 p. — In Russ.)
- Лимонов Э. Это я — Эдичка. Нью-Йорк: Индекс, 1979. 208 с.
(Limonov E. *It's Me — Eddie*, New York, 1979, 208 p. — In Russ.)
- Лимонов Э. Дневник неудачника. Нью-Йорк: Индекс, 1982. 192 с.
(Limonov E. *Diary of a Loser*, New York, 1982, 192 p. — In Russ.)
- Сухих О. С. «Две дороги к одному обрыву» в художественном осмыслении А. Зиновьева и Э. Лимонова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2017. № 1. С. 238—244.
(Sukhikh O. S. “Two roads to the same precipice” in the artistic interpretation of A. Zinoviev and E. Limonov, *Lobachevsky State University Bulletin*, 2017, no. 1, pp. 238—244. — In Russ.)
- XX век: Лимонов // Газета «Завтра». 1997. № 34 (195).
(The 20th Century: Limonov, *Zavtra: Newspaper*, 1997, no. 34 (195). — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.05.2026; одобрена после рецензирования 30.06.2026; принята к публикации 28.08.2026.

The article was submitted 11.05.2026; approved after reviewing 30.06.2026; accepted for publication 28.08.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Саблин Елисей Александрович — студент 3 курса, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lolyjoly.2005@gmail.com

Sablin Elisey Aleksandrovich — 3rd year student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lolyjoly.2005@gmail.com

Глущенко Георгий Владимирович — студент 3 курса, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, georg.gluschenko@yandex.ru

Glushchenko Georgy Vladimirovich — 3rd year student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, georg.gluschenko@yandex.ru

NOUS

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Научная статья
УДК 159.9:316
DOI: 10.46724/NOOS.2026.3.74-80

Г. А. Масленников

ПРОКРАСТИНАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена прокрастинации как междисциплинарного явления, вошедшего в отечественную науку преимущественно благодаря переводным исследованиям. Автор дает краткую историю изучения прокрастинации: от психологических работ 1970—1980-х годов до современных нейробиологических, социологических, антропологических и философских трактовок. Отмечается, что устойчивая прокрастинация наблюдается у 15—25 % людей, а лонгитюдные исследования подтверждают рост ее уровня. В работе разграничиваются бытовое и научное понимание термина, рассматриваются близкие понятия (лень, абулия, фрустрация), а также классификация сфер проявления прокрастинации (учебная, трудовая, социальная, бытовая), предложенная Я. И. Варваричевой; приводится «уравнение прокрастинации» Пирса Стила. Показано, что в психологии прокрастинация понимается как добровольная задержка действия вопреки ожидаемым негативным последствиям, в психиатрии — как поведенческий симптом, сопутствующий депрессии, СДВГ и расстройствам личности, в социологии — как реакция на социальные предписания («успешный успех», культ эффективности), в философии — как экзистенциальный вызов и отказ от ответственности за свою жизнь, в нейробиологии — как конфликт нейронных сетей и сбой дофаминовой системы. Автор приходит к выводу, что для преодоления прокрастинации важно пересмотреть психологические установки на деятельность и организовать комфортную рабочую среду.

Ключевые слова: прокрастинация, лень, абулия, фрустрация, самоконтроль, мотивация, перфекционизм, выгорание.

Ссылка для цитирования: Масленников Г. А. Прокрастинация как объект междисциплинарных исследований // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 74—80.

Original article

G. A. Maslennikov

PROCRASTINATION AS AN OBJECT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Abstract. This article analyzes the phenomenon of procrastination as an interdisciplinary subject that entered the Russian academic landscape primarily through translated research. The author outlines the history of procrastination studies, ranging from psychological works of the 1970s and 1980s to contemporary neurobiological, sociological, anthropological, and philosophical interpretations. It is noted that chronic procrastination affects 15—25 % of the population, with longitudinal studies confirming a rise in its prevalence. The paper distinguishes

between the colloquial and scientific understandings of the term, examines related concepts (laziness, abulia, frustration), and discusses the classification of procrastination domains (academic, occupational, social, and domestic) proposed by Ya. I. Varvaricheva; Piers Steel's "procrastination equation" is also presented. The study demonstrates that procrastination is understood in psychology as the voluntary delay of an action despite anticipated negative consequences; in psychiatry, as a behavioral symptom associated with depression, ADHD, and personality disorders; in sociology, as a reaction to social mandates (such as the "cult of success" and the drive for efficiency); in philosophy, as an existential challenge and a refusal to take responsibility for one's life; and in neurobiology, as a conflict between neural networks and a dysfunction of the dopamine system. The author concludes that overcoming procrastination requires reevaluating psychological attitudes toward activity and establishing a comfortable working environment.

Keywords: procrastination, laziness, abulia, frustration, self-control, motivation, perfectionism, burnout.

Citation Link: Smirnova I. N., Maslennikov G. A. (2026) Procrastination as an object of interdisciplinary research, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 74—80.

Введение. Внимание к прокрастинации в научной среде проявилось в 1970-е годы¹, хотя при желании можно найти отзвуки этой проблематики и в Античности, и в эпоху Возрождения, и в философии Нового времени. Научное обоснование прокрастинации появляется, прежде всего, в исследованиях психологов. Пионерскими признаются работы У. Кнауса и А. Эллиса «Преодоление прокрастинации» (*Overcoming Procrastination*) [Ellis, Knaus, 1977], Джейн Бурка и Леноры Юэнь, которая в русском переводе получила название: «Прокрастинация: почему мы все откладываем на потом и как с этим бороться прямо сейчас» [Burka, Yuen, 1983]. Обращаясь к читателям во втором издании книги, авторы писали: «Сегодня мы видим, что прокрастинация намного более сложное явление, чем мы когда-то думали: она вплетается не только в психологические, поведенческие и эмоциональные проблемы, но и в социальную, культурную и технологическую динамику, биологические и неврологические предрасположенности и общечеловеческие тенденции. Поэтому к сложному комплексу современной прокрастинации мы относимся с еще большим уважением» [Бурка, Юэнь, 2020: 6].

В отечественную науку термин вошел благодаря прежде всего переводным исследованиям. Вместе с тем интерес к данной проблематике в российской науке и практике появился сравнительно недавно. Так, например, авторитетные справочные издания 1990-х годов [Психология: Словарь, 1990; Современная западная социология: словарь, 1990] не содержат справочных статей про procrastination.

Прокрастинация в актуальном междисциплинарном дискурсе. Первоначально глубокое описание феномена откладывания дел и принятия решений возникло в лоне психологии, что и определило их дальнейший интерес к теме

¹ К настоящему моменту произведен обзор существующих исследований феномена прокрастинации в исторической ретроспективе, рассмотрены понятие, природа и компоненты прокрастинации с позиции как зарубежных, так и отечественных психологов, подвергнуты анализу основные теоретические подходы к пониманию данного феномена [Чевренди, 2016а; Калинина, Кудачкин, 2016].

через характеристику основных признаков прокрастинатора как субъекта: проблемы с отдыхом, выгорание, перфекционизм, нелюбимая работа, избегание важного, откладывание «не горящего», как следствие — стресс, дезадаптация, тревожность. В повседневной жизни мы сталкиваемся с бытовым «темпоральным определением» прокрастинации [Чеврениди, 20166], известным как синдром «я подумаю об этом завтра» (фраза главной героини из знаменитого романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром»). Популярность темы в определенный момент сделало само понятие своего рода культурным мемом, обязательным ироническим оправданием безделья. Однако следующая волна интереса к данному феномену показала [Кормачева, Клепикова, 2019], что мы имеем дело не только с клинической (медицинской) терминологией, но и со сложным междисциплинарным явлением, которым заинтересовались экономисты, социологи, бизнес-аналитики, маркетологи, антропологи, философы. Так, актуальные проблемы прокрастинации все чаще обнаруживают себя в педагогике, антропологии, когнитивистике, менеджменте, культурологии и других областях знания.

Согласно данным, устойчивая прокрастинация имеется у 15—25 % людей, а лонгитюдные исследования последних 25 лет подтверждают, что уровень прокрастинации у населения повысился². Есть и более «трагичные» данные (пусть и не совсем «свежие» и носящие локальный характер), согласно которым низкий уровень прокрастинации свойственен лишь для 9 % учащейся молодежи [Петрова, Краснянская, 2020].

Интересно, что слова «лень», «волокита», «отлынивание», «безделье» в русском языке, с которыми часто ассоциируют прокрастинацию, вызывают негативные эмоции и коннотации. Близкие термины — абулия (полное отсутствие сил и мотивации к деятельности) и фрустрация (тщетное ожидание) — распространены в большей степени в психологической практике. Для нас значимо, что все чаще термин «прокрастинация» рассматривается в связке релевантными понятиями — результативность и продуктивность [Галузина, 2026], либерофобия, связанная со страхом свободы [Родермель, Вергун, 2025] и экзистенциальной тревогой [Беловодова, Никитина, Маннанова, 2025], что придает «проблеме лени» научность, фиксирует значимость и сложность данного феномена.

В широком смысле прокрастинация представляет собой «добровольное откладывание намеченных действий, сопровождающееся субъективным дискомфортом и пониманием возможных негативных последствий» [Галузина, 2026: 177]. «В основе хронической прокрастинации часто лежит глубинная неспособность индивида эффективно справляться с неопределенностью» [Беловодова, Никитина, Маннанова, 2025: 113]. А «прокрастинация, рассмотренная через призму экзистенциальной теории, выражается как симптом экзистенциальной проблематики» и в этом смысле может быть представлена как защитный антропологический механизм [Родермель, Вергун, 2025: 64]. В некоторых исследованиях она предстает как деструктивная, дисфункциональная организованность личности [Васильев, Гурьева, 2021]. При этом она «традиционно исследуется как индивидуальный психологический феномен» [Галузина, 2026: 177].

² Ткачева О. В. Как победить прокрастинацию. URL: <https://psy-school.info/articles/kak-pobedit-prokrastinacziyu> (дата обращения: 17.08.2026).

Исторически procrastination связывалась с культурой Античности, где в этом виделось осознанное промедление, которое характеризовало тип мышления полководцев и императоров (и, конечно же, философов как их наставников). Возможно, это объясняет интерес нейробиологов к сущности procrastination. Например, несколько лет назад нейробиологи доказали, что procrastination как незначительная отсрочка — это особый инструмент анализа, который может повысить точность и качество принятия решений³.

Чтобы избежать снижения ценности научного истолкования procrastination как понятия, вошедшего в бытовой язык человека в эпоху чрезмерного информационного включения, специалисты предложили разделять «активную procrastination» (отсрочка, которая помогает принять верное решение) и «хроническую procrastination» (черта личности). В 2010 году российский исследователь Я. И. Варваричева модифицировала известную классификацию Н. Милграма и предложила сократить ее до четырех сфер проявления procrastination: 1) учебная — откладывание выполнения домашних заданий, подготовки к экзаменам; 2) трудовая — неспособность сдать работу, проект в срок; 3) социальная — откладывание важных звонков, встреч, ответов на письма; 4) бытовая — откладывание ремонта, уклонение от выполнения домашних ежедневных дел [Варваричева, 2010].

На основе метаанализа данных канадский ученый Пирс Стил в книге «Уравнение procrastination» (The Procrastination Equation: How to Stop Putting Things Off and Start Getting Stuff Done) вывел даже формулу procrastination [Steel, 2007; Steel, 2010; Стил, 2014]:

$$\text{Мотивация} = \frac{\text{Оптимизм} \times \text{Ценность}}{\text{Импульсивность} \times \text{Отсрочка}}$$

Нам импонирует мысль о том (и это следует из анализа предложенной Пирсом Стилом формулы), что procrastination неотделима от проблемы экзистенциального вакуума, поиска, конструирования смысла антропологических практик и трудовой деятельности как таковой [Родермель, Вергун, 2025], равно как и от дефицита внимания и гиперактивности [Niermann, Scheres, 2014]⁴. Очевидно, что комплексное исследование procrastination — не как феномена исключительно индивидуального бытия, а как социально-психологического — должно отталкиваться именно от этой теоретико-методологической платформы.

Заключение. Современное понимание procrastination многоаспектно. Антропологи понимают procrastination как определенный механизм экономии энергии, избегания риска (значимый в свое время для выживания) и как реакцию на определенный тип поведения, который задан социальными предписаниями-маркерами «успешного успеха», культа эффективности, высокого статуса, брендовых вещей, медийной популярности, что во многом и способствует

³ Ever-So-Slight Delay Improves Decision-Making Accuracy. URL: <https://www.cuimc.columbia.edu/news/ever-so-slight-delay-improves-decision-making-accuracy> (дата обращения: 17.04.2026).

⁴ Последнее исследование направлено на выявление корреляции между симптомами СДВГ (невнимательность, гиперактивность, импульсивность и комбинированная гиперактивность/импульсивность) и академической, а также общей procrastination в выборке студентов.

возникновению ситуации экзистенциального вакуума в силу недостижимости указанных социальных качеств-признаков. Философия трактует это понятие современности как экзистенциальный вызов, часто провоцирующий отказ от ответственности за свою жизнь и жизнь других, бегство от попытки определить смысл и подлинность своего бытия. Нейробиология рассматривает прокрастинацию через призму конфликта нейронных сетей, порождающего дисбаланс привычки и контроля⁵. В общей и клинической психологии прокрастинация понимается как добровольная задержка намеченного действия, несмотря на ожидаемые негативные последствия. В психиатрии прокрастинация не является отдельным диагнозом, но часто рассматривается как поведенческое расстройство, сопутствующее депрессии, СДВГ, расстройствам личности. Педагогика постулирует связь прокрастинации с симптомами синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ).

Таким образом, прокрастинация для психологии — это проблема самоконтроля, для психиатрии — поведенческий симптом, для социологии — следствие социальных предписаний, для философии — экзистенциальный кризис, для нейробиологии — сбой в работе дофаминовой системы. При этом «краеугольный признак» всех названных «дефиниций» — бессмысленность, отсутствие смысла (как преднаходимого в природе и культуре) в определенных поведенческих алгоритмах и практиках.

Смысл (с точки зрения системного подхода) выступает системообразующим свойством сознания, мышления и, в конечном счете, деятельности. Его отсутствие или размывание в силу профессиональной деформации или психологической усталости, выгорания обесценивает отношения, в которых задействована личность. Отсюда и задержка, нежелание, откладывание воспроизведения этих самых отношений. Не последнюю роль здесь играет ситуация возможности делегирования отношений и деятельности как таковой искусственному интеллекту, что ставит под угрозу субъектность личности.

Сегодня, когда операции по выполнению многих (и не только рутинных) дел можно делегировать генеративному искусственному интеллекту, становится очевидным, что это создаст предпосылки для рождения иллюзии «победы над прокрастинацией» и закономерно напомнит о необходимости более глубокого анализа данного феномена на основе междисциплинарного подхода.

⁵ Недавно было опубликовано исследование шведских и немецких ученых, в котором приняли участие 732 студента. Оказалось, что прокрастинации подвержены 75 % всей группы (причем девушек среди них несколько больше, чем юношей), а 388 студентов страдали от тяжелой ее формы. Отмечались «тревожность, проблемы со сном, хронические боли, депрессивные состояния, качество их жизни было снижено, страдала самооценка. Молодые люди испытывали раскаяние, критиковали себя за то, что плохо справлялись с учебой и бытом, однако им было довольно трудно побороть прокрастинацию самостоятельно, и порядка 38 % опрошиваемых этой группы обращались за психологической помощью. Исследователи не выясняли, что именно было первичным для этих студентов, прокрастинация или, например, тревожность, однако известно, что есть немало тех, для кого именно ментальное расстройство является первичным, а склонность к прокрастинации — лишь один из его симптомов» [Rozental, Forsström, Hussoon, Kling-sieck, 2022].

Библиографический список / References

- Беловодова С. Е., Никитина А. А., Маннанова Е. А. Прокрастинация и толерантность к неопределенности в современном научном дискурсе // Современная наука и инновации. 2025. № 4. С. 113—120. DOI: 10.37493/2307-910X.2025.4.12
(Belovodova S. E., Nikitina A. A., Mannanova E. A. Procrastination and Tolerance to Uncertainty in Modern Scientific Discourse, *Modern Science and Innovations*, 2025, no. (4), pp. 113—120. — In Russ.)
- Бурка Д., Юэнь Л. Прокрастинация: почему мы все откладываем на потом и как с этим бороться прямо сейчас. Минск: Попурри, 2020. 432 с.
(Burka B., Yuen L. *Procrastination: Why We Put Things Off and How to Stop It Right Now*, Minsk, 2020, 432 p. — In Russ.)
- Варваричева Я. И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 121—130.
(Varvaricheva Ya. I. The phenomenon of procrastination: problems and research perspectives, *Questions of Psychology = Voprosy Psikhologii*, 2010, no. 3, pp. 121—130. — In Russ.)
- Васильев В. А., Гурьева В. В. Прокрастинация как барьер саморазвития личности // Журнал педагогических исследований. 2021. Т. 6, № 4. С. 63—66.
(Vasiliev V. A., Guryeva V. V. Procrastination as a barrier to personal self-development, *Journal of Pedagogical Research*, 2021, vol. 6, no. 4, pp. 63—66. — In Russ.)
- Галузина М. С. Прокрастинация в условиях современных требований к результативности: социально-психологический и психоаналитический анализ // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2026. № 3 (59). С. 177—184.
(Galuzina M. S. Procrastination amidst modern performance demands: a socio-psychological and psychoanalytic analysis, *Human Factor: Social Psychologist*, 2026, no. 3 (59), pp. 177—184. — In Russ.)
- Калинина Т. В., Кудачкин Д. А. Феномен прокрастинации: современные исследования // Приволжский научный вестник. 2016. № 11 (63). С. 58—61.
(Kalinina T. V., Kudachkin D. A. The Phenomenon of procrastination: contemporary research, *Privolzhsky Scientific Bulletin*, 2016, no. 11 (63), pp. 58—61. — In Russ.)
- Кормачева И. Н., Клепикова Н. М. Прокрастинация: феномен и научная проблема // Системная психология и социология. 2019. № 4 (32). С. 18—29. DOI 10.25688/2223-6872.2019.32.4.02.
(Kormacheva I. N., Klepikova N. M. Procrastination: phenomenon and scientific problem, *Systems Psychology and Sociology*, 2019, no. 4 (32), pp. 18—29. — In Russ.)
- Петрова С. С., Краснянская Д. С. Профилактика склонности к академической прокрастинации студентов // Молодой ученый. 2020. № 50 (340). С. 435—437.
(Petrova S. S., Krasnyanskaya D. S. Prevention of the tendency towards academic procrastination among students, *Young Scientist = Molodoy Ucheny*, 2020, no. 50 (340), pp. 435—437. — In Russ.)
- Психология: словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
(Petrovsky A. V. and Yaroshevsky M. G. (Eds.) *Psychology: Dictionary*, Moscow, 1990, 494 p. — In Russ.)
- Родермель Т. А., Вергун Д. А. Прокрастинация как симптом экзистенциального вакуума // Science Time. 2025. № 5 (136). С. 62—65.
(Rodermel T. A., Vergun D. A. Procrastination as a symptom of existential vacuum, *Science Time*, 2025, no. 5 (136), pp. 62—65. — In Russ.)

- Современная западная социология: словарь / сост.: Ю. Н. Давыдов, М. С. Ковалева, А. Ф. Филиппов. М.: Политиздат, 1990. 432 с.
(Davydov Yu. N., Kovaleva M. S., Filippov A. F. (Eds.) *Modern Western Sociology: Dictionary*, Moscow, 1990, 432 p. — In Russ.)
- Стил П. Уравнение прокрастинации / пер. с англ. Н. Яцюк. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 256 с.
(Steel P. *The Procrastination Equation*, Moscow, 2014, 256 p. — In Russ.)
- Чеврениди А. А. Обзор исследований феномена прокрастинации в исторической ретроспективе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016а. № 4-1. С. 16—25.
(Chevrenidi A. A. Review of Research on the Phenomenon of Procrastination in Historical Retrospect, *Pushkin Leningrad State University Bulletin*, 2016, no. 4-1, pp. 16—25. — In Russ.)
- Чеврениди А. А. Прокрастинация в структуре временных отношений личности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2016б. Т. 9. № 3. С. 104—113.
(Chevrenidi A. A. Procrastination in the structure of an individual's temporal relations, *South Ural State University Bulletin. Series: Psychology*, 2016, vol. 9, no. 3, pp. 104—113. — In Russ.)
- Burka J. B., Yuen L. M. *Procrastination: Why you do it, what to do about it*, Mass.: Addison-Wesley, 1983.
- Ellis A., Knaus W. J. *Overcoming Procrastination: Or How To Think and Act Rationally in Spite of Life's Inevitable Hassles—Softcover*, New York: New American Library. Inst. for Rational Living, 1977.
- Niermann H., Scheres A. The relation between procrastination and symptoms of attention-deficit hyperactivity disorder (ADHD) in undergraduate students, *International journal of methods in psychiatric research*, 2014, 23.10.1002/mpr.1440.
- Rozental A., Forsström D., Hussoon A., Klingsieck K. B. Procrastination Among University Students: Differentiating Severe Cases in Need of Support From Less Severe Cases, *Front Psychol.*, 2022, Mar 15; 13: 783570. doi: 10.3389/fpsyg.2022.783570. PMID: 35369255; PMCID: PMC8965624.
- Steel P. The nature of procrastination: A meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure, *Psychological Bulletin*, 2007, no. 133 (1), pp. 65—94.
- Steel P. *The Procrastination Equation: How to Stop Putting Things Off and Start Getting Stuff Done*, Toronto: Random House Canada, 2010, 320 p.

Статья поступила в редакцию 18.05.2026; одобрена после рецензирования 30.06.2026; принята к публикации 28.08.2026.

The article was submitted 18.05.2026; approved after reviewing 30.06.2026; accepted for publication 28.08.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Масленников Глеб Александрович — студент 3 курса, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, glebmaslennikoff@gmail.com

Maslennikov Gleb Alexandrovich — 3rd year student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, glebmaslennikoff@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ноосферные исследования», выходящий четыре раза в год, публикует оригинальные статьи в области гуманитаристики, а также материалы, посвященные актуальным проблемам философии, истории, социологии, психологии, образования (обзоры, хронику научной жизни, рецензии). Рекомендуемый объем научной статьи 20—40 тыс. знаков с пробелами; объем обзора, хроники, рецензии 10—20 тыс. знаков). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Редакция принимает к рассмотрению ранее не публиковавшиеся материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимостью. Все присланные материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат». К публикации принимаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Материалы принимаются **только в электронном виде** по адресу posnoos@ivanovo.ac.ru или smirnovdg@ivanovo.ac.ru главному редактору журнала Смирнову Дмитрию Григорьевичу в формате RTF. Для аспирантов и соискателей необходим отзыв научного руководителя / консультанта (отсканированный вариант с подписью и с печатью). Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля: верхнее — 2,7 см, левое и правое — 4 см, нижнее — 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Присылаемый материал должен содержать следующий контент:

текст статьи, где приводятся фамилия, инициалы автора, название (на русском и английском языках); аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк) и ключевые слова (не более 10) последовательно на русском и английском языках (английская аннотация должна быть содержательнее и объемнее русскоязычного аналога); текст материала и библиографический список (в выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения)¹;

приложение, которое содержит сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта); фамилию, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя), ученую степень и ученое звание, место работы и должность в транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США.

Библиографический список / References формируется по алфавитному принципу, без нумерации. Шрифт Times New Roman 10. Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества

¹ Дополнительные рекомендации: для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание (разбивка не допускается); переносы только автоматические; сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически; между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел); при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”; необходимо соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса); для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире); все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения². В References *включаются*: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы. Основные правила таковы:

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.py: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: — In Russ. (Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.)

Ссылки на библиографический список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (или авторов через запятую), далее (если у автора более, чем одна работа) год издания работы и, после двоеточия, страница. Например, [Вернадский] или [Смирнов 2003] или [Флоренский: 205].

Все рукописи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование. Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя / консультанта. О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте³. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору. Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций. Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну

² Примеры оформления: **монография**: Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с. (Vernadsky V. I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*. Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.); **статья в журнале**: Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3, № 1. С. 57—64. (Smirnov G. S. Noospheric picture of the world and modern education, *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2003, vol. 3, no. 1, pp. 57—64); **статья в сборнике**: Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. С. 199—215. (Florensky P. A. Temple action as a synthesis of arts, in Florensky P. A. *Selected Works on Art*, Moscow, 1996, pp. 199—215. — In Russ.)

³ При наличии отрицательной рецензии рукопись отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Не допускаются к публикации в научном журнале статьи: содержащие ранее опубликованный материал; содержащие недобросовестные заимствования; представленные без соблюдения правил оформления; авторы которых отказываются от технической доработки публикации; авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их; представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования, оригинальность постановки и решения проблемы, значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи⁴. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются размером портфеля журнала, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев. Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля. Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие этические правила сотрудничества редколлегии и авторов.

Для авторов: авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе; подтверждают, что материалы публикуются впервые, не представлены в другие журналы, не содержат плагиат; все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, указаны как соавторы. Авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана соответствующая ссылка.

Для редколлегии: журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики; редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов; неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов); если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента: рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументировано выражать свое мнение; рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента; рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

⁴ Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

На обложке — репродукция рисунка «Фидель Кастро»
работы художника Виктора Иванова

Сетевое издание

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал

2026. Вып. 3

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Корректор *В. А. Киселева*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Дата размещения на сайте 30.09.2026.

Уч.-изд. л. 6,0. Объем 5,0 Мб

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ISSN 2307-1966

NOOSPHERIC STUDIES

ONLINE EDITION

2026

3